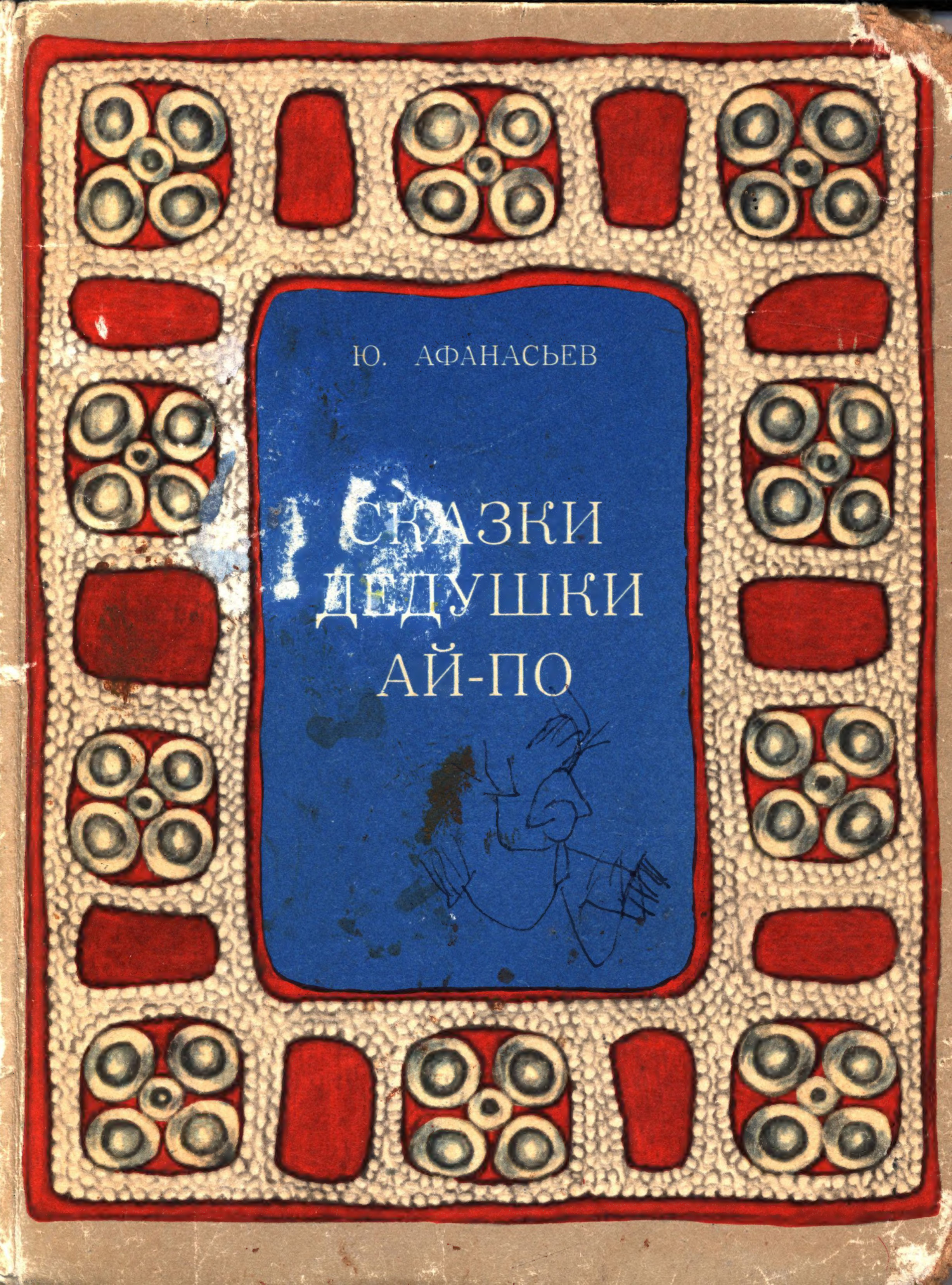
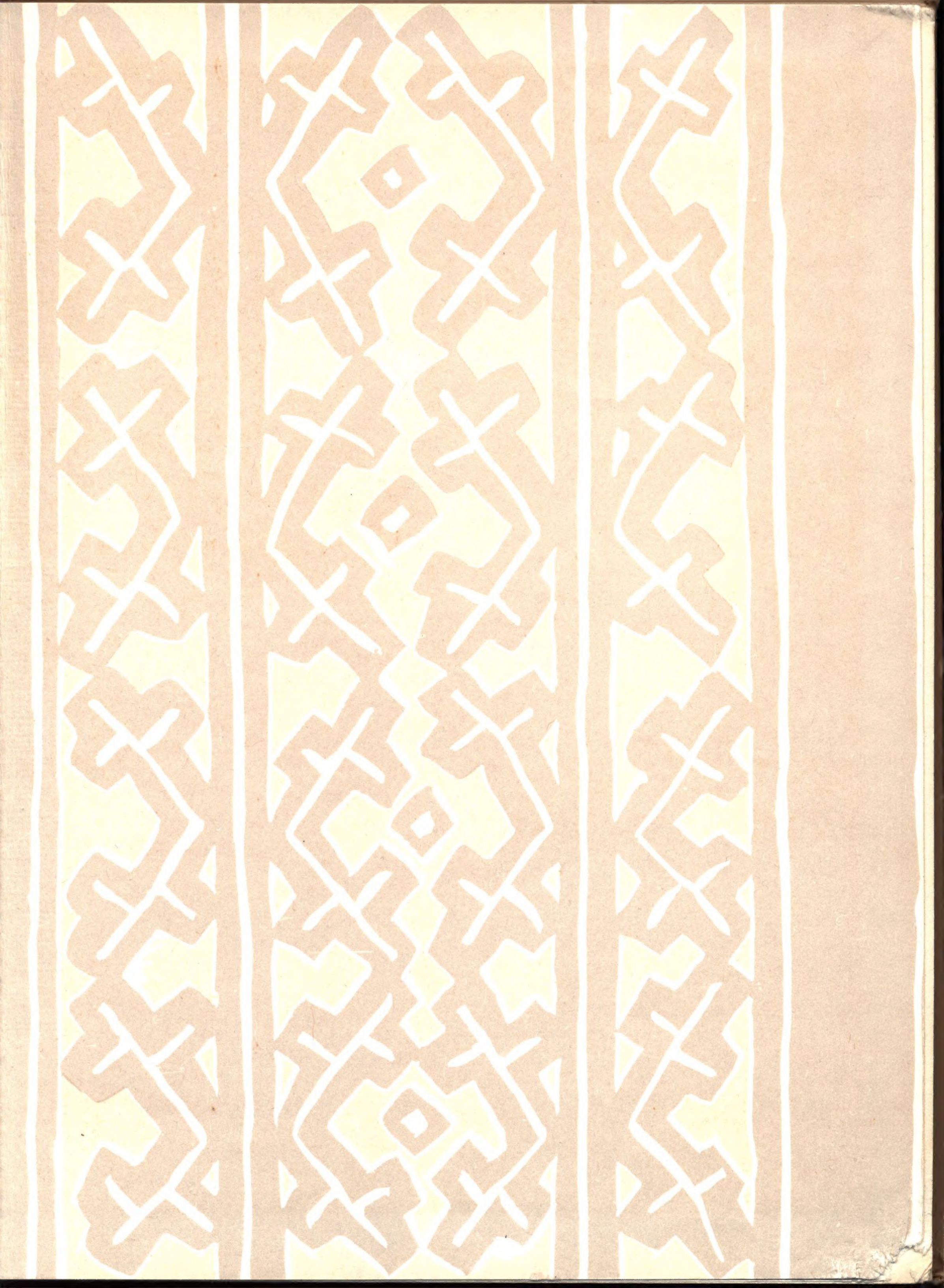

Ю. АФАНАСЬЕВ
СКАЗКИ
ДЕДУШКИ
АЙ-ПО

СКАЗКИ
ДЕДУШКИ
АЙ-ПО

Ю. АФАНАСЬЕВ

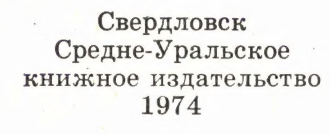
СКАЗКИ ДЕДУШКИ АЙ-ПО

ХУДОЖНИК Г. МОСИН

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1974

Р2
А94

Для младшего школьного возраста

А $\frac{0763 — 060}{М158 (03) —74}$

О ДОБРОМ СЕРДЦЕ

Полумрак. Только вверху, через отверстие в чуме, видна голубая тарелочка неба. И с улицы доносятся весёлые голоса ребят. Значит — уже утро. И вдруг сердце у Ундре подпрыгнуло: проспал! В такой день проспал! Ведь сегодня в первый раз он в школу едет, в интернат. Наверное, и учитель уже здесь... И ребята все собрались.

Ундре огляделся: в чуме никого. Все ушли. Он вскочил с оленьей тёплой постели, забыв о еде, откинул полог — и зажмурился. Какое солнце!

Так вот отчего смеются и весело визжат ребята! Ведь и солнце тоже смеётся вместе с ними:

— Наш Ундре проспал! Ай-ай!

Ундре отвернулся от ярких лучей, открыл глаза и увидел своего деда. Тот сидел в нартах и спокойно глядел на внука. От непонятной обиды и злости Ундре заплакал. Дедушка хихикнул в свою реденькую бородку, белёсую, как северный мох:

— Сердишься? Хорошо. Нюх острее будет, зубы крепче.

Поуютнее устроившись в нартах, дедушка вынул нож и неторопливо стал делать отметины на четырёх-

угольном деревянном брусочке. По этим надрезам Ай-по вёл свой счёт, он с гордостью называл это занятие «арифметикой». Глубокие выемки — это быки-олени, поменьше — важенки-самки, с крестиком — это олени, которых задрали волки. На брусочке история всего большого колхозного стада.

Внук ещё раз шмыгнул своим приплюснутым носом-пуговкой и исподлобья покосился на дедушку.

— Не белка ищет охотника, а охотник белку,— сощурился Ай-по, пожёвывая трубку. Ему было понятно настроение внука.— Ну иди, ещё не поздно,— подбодрил он, облокотившись на узорчатую спинку нарт.

Ундре насупился, что-то буркнул и ловко накинул на голову малицу. Хоть солнце и блестело ярче летнего, но тепла уже не было. С моря задули холодные ветры. И зимняя одежда совсем кстати: в малице тепло и мягко. Из шкурки самого маленького оленёнка она сделана. Не велика и не мала — в самый раз: уж бабушка Эви постаралась для внука! А ноги греют нарядные кисы, аккуратные такие сапожки, тоже из оленьей шкуры. Так сами подумайте, страшны ли Ундре морозы? И у всех ребят такие кисы. Только вышивка разная, украшают кто как умеет. А у Ундре они новые: в первый раз в школу едет человек, совсем большой стал!

Засмотрелся Ундре на свои кисы и про слёзы забыл, потихоньку отошёл от чума... Олени повернули головы и откровенно уставились на него: отчего это сегодня у будущего пастуха нижняя губа оттопырилась и глаза мокрые?

Но он нарочно не обращает на оленей внимания. Он отворачивается от спелой клюквы, от кустов брусники, хоть ягоды сами просятся в рот.

— Ундре! — крикнул весёлый незнакомый голос.

Ундре вздрогнул: наверное, это и есть учитель!

И сердце запрыгало от тревоги и радости. Не забыли его, не забыли!

— Вот он идёт! — подсказывают ребята.

И все оглядываются, все смотрят на Ундре.

«Нет! Нет! Не пойду!» — струсил вдруг Ундре и, увидав свою бабушку Эви, кинулся к ней и крепко прижался. Авка — домашний оленёнок подбежал и лизнул его в щёку.

— Ундре, скорее иди сюда! — раздаются нетерпеливые голоса.

— Хочешь в школу, Ундре? — спрашивает учитель.

Пряча голову в бабушкин подол, мальчишка испуганно поглядывает одним чёрным глазом. Он ждал приезда учителя. Но ведь тот должен увезти его на целый год. Об этом Ундре ещё не успел подумать.

— Смотри, как ребята научились рисовать,— говорит учитель, раскладывая на нартах перед Ундре рисунки.

Два быстрых глаза с любопытством пробежали по листкам альбомов, остановились на одном.

— Тут неправильно,— неожиданно говорит Ундре.— Тундра не такая, и солнце не такое. Солнце в тундре большое.

— Вот тебе краски, нарисуй-ка сам,— улыбается учитель.

Ундре на краски и не посмотрел, подвинул к себе карандаши. Взял чёрный и, не отрывая его от бумаги, вывел фигуру оленя.

— Походит,— подбодрили художника.

За оленем появилась собака. Ундре нарисовал сначала хвост колечком, а потом уже голову. А вот ручей. Но всех удивило солнце. Оно перекрыло ручей, горы и заняло большую часть неба.

— Хороший рисунок,— похвалил учитель.— В школе бы на него все ребята смотрели.— Он хотел погла-

дить Ундре по голове, но тот опять шмыгнул носом, сердито посмотрел и прижался к бабушке.

— Не бойся, Ундре,— ласково сказала Эви,— вас повезёт дедушка Ай-по. Во-он, смотри: его нарты тоже здесь. Он ждёт.

— Ну что ж,— вздохнул учитель,— нам пора ехать, солнечный день короткий.— И он пошёл к нартам.

Ай-по уже взял в руки хорей! Конечно, Ундре обидел учителя, который с ним разговаривал ласково. Ундре хочет учиться, но он не умеет ещё расставаться. Как им объяснить? Никто, кажется, не замечает его. А бабушка уткнула своё лицо в большой платок.

Бабушка Эви ни на один день не расставалась с внуком с той самой весны, когда в путину погибли отец и мать Ундре. Они были уже знатные охотники, хоть и совсем молодые. В посёлке их помнят. А Ундре не помнит. Он был тогда такой маленький, что ещё ни ходить, ни есть сам не умел.

И бабушка всю ласку отдала внуку, чтобы рос здоровым и счастливым. Дедушка иногда качал головой:

— Ай-ай! Совсем избаловала мальчишку! Ну какой из него будет охотник?..

— Вырастет внучек, станет настоящим мужчиной!— отвечала бабушка с доброй улыбкой.— А пока он ребёнок и рано ему знать заботы, успеет ещё!..

И вот пришла пора — учиться едет Ундре. И надо разлучаться.

Если дедушка тронет вожака, нарты с ребятами скроются за буграми и уйдут к морю. Ай-по не остановит оленей, ни разу не оглянется, хоть заплачься.

Только Авка большими глазами участливо смотрит на Ундре, а может, просто ждёт лакомства. Ундре совсем растерялся и встал между нартами Ай-по и бабушкой. Если бы мог Ундре разделиться на две поло-

винки, чтобы одна жила с бабушкой Эви, другая — в школе. Но ведь так не бывает.

— Э-гей! — Ай-по тронул вожака хореем.

— Хэк, хэк,— ответили с задних нарт.

— Подождите!— выкрикнул Ундре и на ходу плюхнулся в нарты Ай-по.

Полозья запрыгали по буграм, заскользили по мхам, заскрипели по карликовой берёзке. Берестяной чум, удаляясь, кажется, врастал в землю. Бабушка чуть шевелила краешком платка. Ундре знал, что она плачет, и неслышно причитал:

— Бабушка, бабушка... Авка, мой Авка...

А потом его стало укачивать. Ундре безразлично разглядывал дедушкин чёрный ремень с медными пластинками, с медвежьими клыками. С левой стороны из ножен выглядывает жёлтая рукоять из мамонтовой кости. Тут же в кожаном мешочке табакерка и, конечно, дедушкина «арифметика».

— Правильно делаешь,— вдруг словно издалека услышал Ундре голос дедушки,— большую жизнь едешь изучать.

Ундре встрепенулся, оторвал взгляд от дедушкиного ремня, глубоко вздохнул. Больно и радостно было от горьковатого запаха тундры. Словами он не умел это высказать. Но оттого что рядом дедушка, Ундре успокоился, и грусть куда-то совсем ушла.

Горы пылали на вечерней заре. Они казались такими лёгкими, что, наверное, их можно поднять на ладони. Розовые туманы укрыли залысины гор, а склоны оставались прозрачно-голубыми. Впереди маячил Пайер, скрывая в облаках таинственную вершину.

— Дедушка, ты забирался на эту вон гору? — поинтересовался Ундре.

— На самой головке не бывал, однако высоко ходил.

Потом, немного помолчав, Ай-по начал не то петь, не то протяжно говорить. Ундре слышал эту легенду. Но дедушка каждый раз поёт её по-новому.

— Пайер — гора надежд и страданий... Твою вершину закрывают небесные одежды. Говорили: кто увидит тебя без облаков, всю целиком, у того в стаде волк не тронет оленя, больше будет рождаться телят... А ещё говорили, что наше счастье зависит от повеления золотой утки, которая плавает на озере, утыканном звёздами, что находится на самой вершине. И говорили — злые ветры гонят смерть к нам. У оленей опухали рога, они бежали к тебе и падали замертво. И я сам заболел, люди испугались, оставили меня в тундре, около тебя, Пайер... Но я выжил и пришёл назад к людям. Кто считал нашу дружбу, Пайер? Сколько раз я встречаюсь с тобой на своём пути и опять ухожу от тебя, Пайер?..

Олени от усталости высунули распаренные языки. Но, почуяв где-нибудь в стороне гриб, так дружно бросались к нему, что даже Ай-по еле удерживался в нартах.

У большого озера дедушка бросил вперёд нарт хорей, и олени остановились. Школьники с радостью разбежались по буграм, где коврами краснела морошка. Солнце было уже совсем низко, катилось над самой землёй, в его лучах ягоды горели как алое пламя. С ребятами пошёл и учитель — все любят морошку. Только Ай-по остался сидеть на нартах. Лицо, подвяленное ветром и дымом, казалось каменным. Он смотрел на тени, которые густели в низовьях. Ребячьи голоса не мешали ему слушать звенящее молчание тундры. Казалось, он видит невидимое другим, слышит неслышимое...

Бледные языки костра лизнули сумерки. Это учитель позаботился о тепле, набрал хвороста и развёл огонь. Хорошо!

Ребята окружили светлое пламя. Ундре до того наелся морошки, что стал горстями вываливать её из карманов в костёр.

— Обжора,— заметил кто-то из учеников.

— Жадный! — подтвердил другой.

— Нет,— подсев к костру, улыбнулся Ай-по.— Ундре просто ещё глупый.

И спор вспыхнул, как хворост.

— Так каким же должен быть человек?— для всех задал вопрос учитель.

— Он должен быть сильным.

— Умным и ловким!

— Нет! Главное в человеке смелость! Храбрым быть!

— Однако такой спор приведёт вас к ссоре,— заметил Ай-по.— Главное, человек не должен терять то, с чем рождается.

— А с чем он рождается, дедушка? — спрашивают притихшие ребята.

— Человек рождается добрым, и в сердце его не должно быть места злу,— задумчиво говорит Ай-по,— человеку всегда помнить об этом надо...

...Старые люди рассказывали: были у одной женщины дети. Старшая дочь — уже совсем большая. А младший — и сама не поймёт кто. Человеком его не назовёшь, и с оленями он не дружит. Назвала его Рыжим.

Подбежит он к старшей сестре и просит своим взглядом выйти на зелёный мох поиграть. Рассердится сестра, толкнёт его в бок и скажет:

— Похожий на урода, зачем ты нужен мне? — Длинными косами тряхнёт и уйдёт в стойбище к другим девушкам.

Весёлый смех катится с улицы. Встанет Рыжий

около входа в чум, и большие глаза тоской заполнятся. Так и стоит целый день.

— Постарайся быть доброй,— просит мать старшую дочь,— нельзя быть злым к слабым.

Фыркнет только дочь и бросит в Рыжего старой костью.

Наступила зима. Вьюги пришли в тундру. Через дырявые шкуры ветер свободно ходит.

— Дети,— говорит мать,— сходите в лес за дровами. В старости ноги перестали меня слушаться.

Дальше и дальше уходят они в тайгу... Рогами и копытами Рыжий достаёт из-под снега хворост, старается — складывает в кучи. А старшая бегает по лесу, ищет самое толстое дерево. Когда нашла, подозвала Рыжего.

— Пока я отношу хворост,— говорит она,— ты покараулишь это дерево. А чтобы не потерялся, я привяжу тебя к нему.

Сделала так, а сама убежала домой.

— Где же Рыжий?— спросила мать.

— В лесу остался,— пряча глаза, ответила дочь.

Мать заплакала и ничего больше не сказала.

Долго не возвращался Рыжий. Наконец, пришёл и приволок по земле огромное дерево.

— Где ты был, Рыжий? — обрадовалась мать.

— Попросила меня сестра принести это дерево,— отвечает он.— Теперь дров нам на всю зиму хватит.

Блеснула совиными глазами старшая сестра и натянула на себя плотнее ягушку — зимнюю свою одежду. И всё равно дрожала, не могла согреться от страха: вдруг Рыжий всю правду расскажет матери? Но Рыжий молчал.

И вот просит снова мать:

— Дети, сходите наловите рыбы. Мои руки не держат пешню.

Пришли они на то место, где ловят рыбу, выдолбили прорубь. Поддел Рыжий на свои рога гимгу — сетку из прутьев — и стал опускать в воду. Говорит старшая сестра:

— Ты покарауль гимгу, рыбу в неё загоняй, пока я за рукавицами сбегаю!

Толкнула она Рыжего в прорубь, а сама убежала домой.

— Где же Рыжий? — спросила мать.

— Откуда мне знать? Наверное, в прорубь упал.

Опять заплакала мать и опять ничего не сказала.

Долго не возвращался Рыжий, наконец, пришёл. А на рогах у него большая рыба — нельма.

— Где ты был, Рыжий? — обрадовалась мать.

— Попросила меня сестра принести самую большую рыбину,— отвечает он,— теперь нам на всю зиму хватит еды.

Сидит сестра в углу чума, злыми глазами смотрит на Рыжего. И только думает, не сказал бы Рыжий матери правду. Но и на этот раз Рыжий смолчал.

Вот уже который день не поднимается мать с постели. Пригласили шамана, привязывал шаман-колдун к верёвке топор, качал его, бормотал про себя всякие слова, визжал, советы давал. На стол, что было вкусное, ставили. И всё шаман съел. Но матери не стало лучше.

Пришла весна, и духи тайги взяли к себе мать. Поплакали старшая сестра с Рыжим, но слёзы их родными не сделали.

С утра до вечера заставляет старшая работать Рыжего. Только ночью и бегал он на могилу к матери.

Однажды пришёл в чум из тайги чужой охотник. Отбил колотушкой с кисов снег и снял малицу. И так сказал он старшей сестре:

— Трудная дорога сюда была. Большого волка

встретил. Следы на теле заживут, а малицу зашьют добрые руки.

Не терпится старшей сестре побежать в стойбище к девушкам, рассказать о госте. Второпях схватила она иглу — все пальцы себе исколола. Тогда замазала она дыры на малице глиной и убежала к подружкам. Надел охотник малицу, постоял около костра — высохла глина и отвалилась.

Говорит охотник Рыжему.

— Может, ты поможешь моей беде?

Притронулся Рыжий к иголке — а вместо копыт руки появились. Встал, чтобы подать малицу охотнику,— рога отпали и шкура с него сползла.

Прибежала старшая сестра — понять не может. Стоит перед ней красивая девушка. Кто такая? По большим глазам узнала Рыжего. Почернело от зависти лицо старшей сестры. А охотник стоит, мнёт в руках малицу. Горло сухим стало — не верит чуду.

— Будь моей женой,— наконец сказал юноша младшей сестре.

Он простил обиду старшей сестре и повёз обеих в свое стойбище.

Едут они тайгой, проезжают то место, где Рыжий был привязан к дереву.

— Когда мы ходили за дровами,— сказала младшая сестра старшей,— ты оставила меня здесь на съеденье голодным волкам.

— Кар-р,— ответила злобно старшая сестра, и тело её покрылось чёрными перьями.

Подъехали они к проруби, где рыбу ловят, и сказала младшая сестра:

— Помнишь это место? Здесь хотела ты меня утопить!

— Кар-р-р!— ещё злее откликнулась старшая сестра, и руки у неё превратились в крылья. Вороной

взлетела она на дерево.— Кар-р! Кар-р! — прокричала на всю тайгу.

С тех пор и летает ворона в стороне от человека, над головой её никогда не увидишь. Завидные да злые глаза не прямо, а сбоку смотрят...

...Середина костра выгорела, и маленькое пламя напрасно лизало не тронутый по краям хворост. Он лежал разбросанным, и огонь не мог объединиться. Язычки пламени постепенно гасли, как свечи.

— Самолёт! — вдруг вскочил на ноги Ундре, показывая в сторону озера, он ещё никогда не видел самолёты так близко.

«Ан-2» мягко коснулся поплавками воды, и только потом мотор взревел с новой силой.

— За нами прилетел! — галдели ребята и, не дожидаясь разрешения учителя, побежали со своими узелками к берегу. Ведь совсем не всё равно, кому первому удастся погладить крыло.

Замолк мотор, самолёт стоял теперь тихо, а ребячьего гомона только прибавилось. Вопросы так и сыпались.

— А правда, что этот самолёт может сесть на крышу дома?

— Отчего бывают воздушные ямы?

— А есть в ямах воздух или нет?

Лётчики объясняли серьёзно, а где и откровенно смеялись: уж слишком много вопросов.

— Пора,— сказал лётчик постарше и протянул Ай-по руку.— До белых куропаток расстаёмся, до самой зимы! — улыбнулся он.

— Хорошая машина,— цокнул языком Ай-по,— человек на ней крылатый, как птица. Можно каждый день прилетать!

— Спасибо,— рассмеялись лётчики.— Но и твои олени не хуже. Как поётся в песне: самолёт хорошо, а

олени лучше! Вот замёрзнет озеро, и на оленях к нам примчитесь!

— Так, так,— согласился Ай-по,— олень — мясо, олень — одежда... Без оленя нельзя!

Ребята быстро расселись в самолёте. Ундре даже не успел опомниться, а самолёт уже повис над пёстрой тундрой. Там, внизу, у оленьих нарт, долго ещё махал рукой Ай-по. Капюшон малицы был откинут, и влажный ветер трепал его седые волосы.

О СЧАСТЬЕ

Вот и пришла куропачья зима. Ёлкин праздник настал — Новый год. Большое нынче веселье будет в посёлке!

Раньше всех приехал Ай-по в интернат. Утром, чуть светать начало, они с Ундре на лыжах в лес ушли. Ай-по и здесь каждую тропку знает. Там, где совсем тихо, ни звука не доносится из посёлка, стоит охотничий домик.

Вот к нему и повёл Ай-по внука. Ундре уже большой, пора ему тайгу показать.

— Совсем чистый снег, даже ни одного следа нет!— удивляется Ундре.

В морозном воздухе плывут крупные пушистые снежинки, и ели опускают под их тяжестью свои тёмные иглы. Ундре едва успевает за Ай-по на своих маленьких лыжах, но не замечает, как трудно ногам скользить по глубокому снегу. Ведь первый раз взял его дедушка с собой в настоящую большую тайгу. Никогда не видел Ундре такой красоты, не слышал такой тишины. Огромные толстые деревья упираются прямо в небо. А с неба уже не снежинки — целые хлопья летят, снегопад всё гуще и гуще...

И кажется Ундре, что они с дедушкой не на лыжах бегут, а плывут в воздухе, такие же лёгкие, как снежные хлопья. Плывут навстречу зимней сказке, которую дедушка рассказывал Ундре, когда он был ещё совсем маленьким... А может, и не сказка это, а правда?

Вот сейчас сбегут они с пригорка, повернут за ту кривую сосну и увидят поляну. А на поляне все звери собрались встречать Новый год. И все весёлые, добрые, все вражду свою забыли. Лисы вместе с зайцами лепят снеговиков. Медведи сгребают сугробы, делают горки. И вот уже самые маленькие зайчата несутся с этих горок, от страха и радости держатся за свои длинные уши...

— Оп! Ундре, или ты решил на лыжах прямо в дом ехать?

В такой тишине дедушкин голос кажется громким, Ундре вздрогнул. Совсем замечтался, на дорогу забыл смотреть!.. Ундре смущённо потёр лоб рукавом, а когда поднял глаза — увидел избушку. Дедушка уже дверь открывал.

Ундре быстро крутил головой и не переставал удивляться: так чисто в домике прибрано, дрова у самой печки лежат, на высокой полке связка сушёной рыбы и небольшой мешок.

— Дедушка, а в мешке что?

— Сухари.

Есть и берестяное ведро для воды, и котелок для варева. Будто кто ждал Ундре с дедушкой.

— Добрые люди приготовили,— поясняет Ай-по.

— Для кого?

— Для нас с тобой. Мы долго шли, мало-мало устали, так?

— Так, дедушка.

— Промышлять некогда, отдыхать надо, греться, еду варить...

Ундре взял котелок, побежал, зачерпнул снегу. Затопили печь — тепло, весело стало в домике. Поели горячего, Ундре склонил голову на дедушкин мешок и уснул. Даже сказки не попросил.

— Устал, мой охотник! — ласково прошептал дедушка.— Отдыхай, ещё обратную дорогу идти надо...

Недолго спал Ундре, а выспался. Протёр глаза, огляделся, увидел дедушку и всё вспомнил: как по лесу шёл на лыжах, как про зверей думал, потом про Новый год вспомнил и заторопился: так и Ёлкин праздник проспать можно! Дорога большая!

Но сначала надо дела закончить. Ундре натаскал из-под навеса к печи дров. Дедушка вынул из своего мешка пачку табаку, спички и положил на полку. Вымытый котелок поставил на место.

— Добрые люди о нас позаботились, мы о них подумаем,— сказал Ай-по и ещё раз внимательно оглядел, не забыли ли они чего сделать, такой ли порядок в домике оставляют, всё ли на месте?

Вот придёт другой какой охотник — усталый, голодный, может, свой мешок потерял. Увидит заботу, спасибо скажет... В тайге все люди должны друг о друге думать, делиться пищей. Такой уж закон.

Ай-по остался доволен — ничего с внуком не забыли, теперь можно и в путь!

За деревьями будто дымка стоит. Это воздух застыл и от мороза стал голубым. Снегопад кончился. Светло кругом, каждый бугорок, каждую веточку видно. Снежинки больше не лезут в глаза, идти хорошо, смотреть хорошо!

— Ага,— останавливается Ай-по и поднимает из снега крошки мха-лишайника.— Сейчас упали. В такую погоду ветром не сдует. Это белка.

Ундре во все глаза глядит на корявые сучья лиственницы.

— Не туда смотришь,— смеётся Ай-по,— на стволе!

И правда, белка как будто приклеилась к рыжему стволу. Потом глаза озорно сверкнули, зверёк юркнул вверх — и уже закачался на ветке соседнего дерева.

Ай-по и Ундре задумчиво смотрят ей вслед.

— Были когда-то люди и звери в родстве,— неторопливо говорит дедушка.— Наш род от белки произошел, у других от песца и даже от рыбы есть. Великая война между ними случилась и поссорила всех.

— А когда это было?— недоверчиво смотрит на дедушку внук.

— Давно, очень давно. Зимой или летом было, сказать не могу. Полозья нарт стирает колючий снег, память людей — время.

— Дедушка,— решительно перебивает Ундре,— а ребята в интернате говорили, что человек от обезьяны произошёл! Помнишь, я тебе на картинке её показывал? Она ещё там живёт, где зимы не бывает, помнишь?

— А разве Ундре или его дедушка жили в такой стране?— прищурившись, спрашивает Ай-по.

— Нет,— признаётся внук.

— Почему же Ундре свой род перепутал?— сурово продолжает дедушка.— Разве мы на обезьяну походим?

— А на белку так уж и вовсе не походим!— упрямится Ундре.

Дедушку ошеломили эти слова. И он не нашёл, что ответить. Ундре понял это и совсем осмелел:

— Знаешь, дедушка, а раньше тепло везде было. А когда появились люди, научились тёплую одежду шить, огонь разжигать и пошли туда, где стало холодно. Нам про это кино показывали! Кости нашли, посуду, угли от костра. Стойбище раньше стоянкой называлось. Люди мамонта ели.

— Ундре,— перебил его Ай-по,— выходишь из лесу, дорогу запоминай! Лишних слов меньше говори!— А сам подумал: «Однако, надо с учителем поговорить, не путает ли чего мой внук?»

— Вот!— торжествующе восклицает Ундре.— Смотри: куропатка хотела спать лечь, лунки остались. В другое место улетела!

Посёлок враз вынырнул из-за сугробов. В окнах школы весело перемигивались огни.

«Хорошим охотником будет Ундре, всё примечает. Следы читать может. Не зря его с собой взял. Выносливый стал внук, совсем большой. Такую дорогу прошли на лыжах»,— с гордостью думает Ай-по, наблюдая, как ловко скользят лыжи внука.

...Радуясь своему наряду, Ёлка растопырила колючие лапы и от каждого стука дверей вздрагивала иголками. А в просторный светлый коридор ещё и ещё входили оленеводы, снимали малицы, свёртывали узлами и садились на них, как на мягкие стулья, по углам зала — самой большой комнаты в школе. За входящими ползли клубы морозного пара и таяли под Ёлкой.

— Светящимся небом украсили,— восхищались родители, рассматривая разноцветные огоньки.

Взрослые с любопытством разглядывали ребят, вырядившихся в маскарадные костюмы. Они старались угадать по росту и по голосу — кто это Лисой сделался, а кто — в заячью шкурку залез? Даже поспорили немного между собой.

— А ну, дорогу! Посторонитесь!— колокольчиком зазвенел голос маленькой Снегурочки.— Видите, к нам в гости сам Михаил Иванович пожаловал!

Важно раскачиваясь и размахивая когтистыми лапами, к Ёлке протопал Медведь ростом с маленького

медвежонка. Навстречу прыгнул Заяц, задел Медведя и свалил под Ёлку...

— Вот так Заяц. Хозяина тайги победил!— засмеялись и гости, и ребята.

— Зачем толкнул!— обиженно захныкал Медведь.

— Я не нарочно, сам не видишь, куда бежишь!

По голосам все узнали мальчишек и ещё громче засмеялись. А ребята не на шутку обиделись, хотели уж подраться, да кто-то радостно и звонко крикнул:

— Дед Мороз идёт! Смотрите!

Дедушка Ай-по легонько потрусил через узкий проход. В руках у него была лопаточка, за спиной — расшитый меховой мешок, на ногах — новые кисы, подвязанные тесёмками с красными кисточками. Все с радостью узнали его и удивились, откуда он так вдруг появился?

Ай-по внимательно осмотрел Ёлку, обошёл её вокруг.

— Красивую одежду придумали на Ёлкин праздник, всю нарядили, не забыли подарить ей всех наших зверей, значит, много счастья всем желаете!

Потом он со всеми поздоровался. Каждому гостю, которого видел, кивал головой.

— Дедушка Мороз!— подбежала Снегурочка.— Ребята тебя очень ждали. Что же ты принёс им?

— Э-ге,— протянул Ай-по и лукаво подмигнул маскам.— Кто хочет подарок получить, пусть сначала потрудится над загадкой: по земле её покатает, на костре её подогреет, морозом пощиплет да умом раскусит!

И ребята тесным кольцом окружили дедушку Ай-по.

— Загадку!

— Загадку!

Ай-по поднял вверх палец, и сразу стало тихо.

— Слушайте! Про кого это сказано: поджатый

хвост, пустой мешок. Но пожалей голодного — без стада останешься! А?

Ребята затихли, и вдруг разом: волк! Волк!

— Я первый!

— А я первей твоего первого!

— Молодцы,— успокоил всех Ай-по.— А вот вам и гостинцы.— Он развязал мешок и начал сыпать горстями золотисто-коричневые кедровые орехи кому в карман, а кому в пригоршни.

— А вот вам другая загадка,— говорит Ай-по и прячет мешок под Ёлку.— Кочка — не кочка: семь дыр имеет, наверху травой растёт. Две дыры закроешь — тёмная ночь придёт, ещё две — голоса тундры не услышишь, ещё две — как рыба задохнёшься, последнюю закроешь — голодным просидишь.

— Пещера! Колдун!— выскочили неусидчивые, но остальные молчали, и было ясно, что загадка не разгадана.

— Дом с семью окнами?— неуверенно уже спросил третий.— Если окна заколотишь, то будет темно и оттуда не выбраться?

Остальные молча ходили вокруг Ай-по.

— Голова!— наконец воскликнул мальчик в костюме Охотника.

Тут одобрительно и шумно подтвердили отгадку родители. Недоверчивые проверяли на себе: они закрывали глаза, затыкали уши, дёргали себя за нос,— пожимали плечами, как это они сами не догадались?

— Видно, Охотник заслужил настоящий подарок,— согласился Ай-по и вытащил маленький нож с поясом и украшениями.

Сейчас ребята готовы были отгадать самую сложную загадку, чтобы получить такой же подарок.

— Ещё, ещё,— нетерпеливо просили они.

— Слушайте,— остановил детский гам Ай-по.— От

вьюги укроет, и от дождя спасёт, а сядешь — ужаленным вскочишь! Что это?

Но эту загадку не удалось раскусить никому. Дедушка всё время глядел то на ребят, то на игрушки, висящие на Ёлке. Потом снова начал обходить вокруг Ёлки, будто только что её увидел. Он осторожно трогал пальцами колючие Ёлкины лапы и опять посматривал на ребят.

Вдруг маска Медведь радостно закричала:

— Знаю! Это Ёлка! Когда я упал, меня уколола!

— Однако, хоть он ещё не Старший Хозяин тайги, а уж свой ум имеет, в капкан ногой не залезет!— оценили гости догадливость Медведя.

Дедушка Ай-по только руками развёл:

— Волшебные ветры Пайер не придумали таких секретов, которые не разгадали бы дети тундры!

Он опять залез в мешок, вытащил коротенькие новые лыжи для ходьбы по сугробам и протянул их Медведю:

— Возьми, ты заслужил такой подарок. Где зверь пройдёт, там и ты не отстанешь!

От новогоднего праздника и чудесных подарков ребячьи глаза горели, как лампочки. Дедушка Ай-по ещё водил хоровод, а потом присел около Ёлки. Он задумался и что-то тихонько начал петь.

— Дети тундры!— сказал он громче.— Спрашивал я гору Пайер, так ли мы жили? И ветры мне отвечали: нет! Не ухаживали раньше врачи в белых халатах за больными оленями, не было у детей такой большой, светлой школы, не было умного, доброго учителя! Негде было Новый год встречать, часто еды не было и огня в чуме... Я помню такое время, все старые люди помнят.

И все старшие гости закивали согласно головами: правильно говорит Ай-по!

— Дети, видите вот эту красную звезду на верхушке Ёлки? Лучи звезды этой светят всем одинаково. И глаза ваши горят в Ёлкин праздник радостью и весельем. Большое, общее счастье пришло к нам всем, одному с ним нельзя быть, надо со всеми делиться. Захочешь себе больше других забрать — всё потеряешь! Разве можно тепло костра для других жалеть? Я долго говорил горе Пайер о нашей счастливой жизни. А ветры, волшебные ветры с горы Пайер рассказали мне, что бывает с теми, кто для себя одного счастья хочет, о других забывает!..

Где дедушка Ай-по — там и сказка! Давно такой тишины не было, даже Ёлка не звенит игрушками, тоже слушать сказку собралась.

...Бедную жизнь прожили старик со старухой. Ни одного оленя не было у них, вся одежда износилась. Последняя малица на лысую голову походила. И помочь некому — не было у них детей. Видит однажды старик сон. Вышел из реки на берег незнакомый человек и говорит: «Если счастья тебе надо, ищи его за Седьмым Мысом вверх по реке, у семи лиственниц». Вскочил старик, разбудил старуху и рассказал этот сон. Недолго собирался — сел старик в лёгкую лодочку — колданку и поехал за Седьмой Мыс. По дороге ни разу не останавливался, а ветер был такой силы, что из рыбы чешуя летела. Вышел на берег, вдруг слышит у семи лиственниц плач ребёнка. Подошёл ближе — подвешена на деревья люлька и никого вокруг нет. Развязал ремни, кое-как снял люльку — до того ребёнок тяжёлый был. Приехал домой.

Старик со старухой удивляются: ребёнок есть не просил, а вырос — не успел вечер прийти. Красивым юношей вырос — ноги крепкие, телом гибкий, как лук.

На следующий день сын ушёл в тайгу. Вечером привёл дикого оленя, привязал к чуму, а сам спать лёг. Утром вышли старик со старухой на улицу — что за чудо! Пасётся вокруг чума большое стадо оленей. Выспался юноша, собрался в дорогу.

— Каждый человек ищет счастье,— сказал он.— Я пойду искать своё. Будут приходить к вам люди, всем дайте еды и согрейте. Придёт бедный — не забудьте первую его просьбу выполнить.

Сказал юноша и большими шагами ушёл в тайгу. Живут старик со старухой, всякой одежды нашили. У старика борода блестит от жира — каждый день вкусное мясо ест. Слышат однажды старики: едет к ним на красивых и богатых нартах человек. Колокольчики так и звенят на шее у оленей. Подъехал он к чуму и говорит:

— Согрейте меня, добрые люди!

Старик чуть не в ноги поклонился, попятился к чуму и сел от радости на костёр. Не было в жизни, чтобы богатые заезжали к ним. Сидят, едят они с гостем жирное мясо, каждый про своё счастье говорит. Похвалил гость старика, что сумел вырастить такое большое стадо, и попросил несколько оленей.

Тут схватил старик аркан, выскочил на улицу. «Какое же это счастье, если о нём никто не знает? — думает он про себя.— Дам ему оленей, эту весть он разнесёт по всей тундре, тогда я ещё счастливей буду!»

Привязал гость оленей сзади нарт и поехал, а сам себя в уме ругает, что мало выпросил.

На следующий день подошёл к чуму нищий.

— Дайте мне, добрые люди, кусочек мяса,— говорит он.— У меня дети голодные.

Рассердился старик, заворчала старуха. Забыли они про слова юноши. Взял старик хорей и прогнал нищего.

Назавтра пришёл молодой охотник. А старик со старухой опять мясо едят. Увидел старик юношу, чуть не подавился костью — вроде бы и вчера кто-то похожий приходил.

— Правильно думаешь,— говорит молодой охотник.— Вчера мне было трудно. Но, видно, вы забыли со старухой, что радостью и теплом не только с богатым, но и с бедным надо делиться! Не сумели счастье понять — живите, как раньше.— Вышел он из чума и так свистнул, что все олени разбежались по тайге...

Кончилась сказка. Ребята сидели притихшие, словно в большой комнате не было ни одного шалуна...

А на улице фыркали и переступали нетерпеливые олени, как всегда торопили в дорогу.

— Пора, однако!— сказал Ай-по и первый встал.

Привычный гомон сразу наполнил школу, все стали собираться. Ведь родители приехали забрать ребят на каникулы. Сколько ждали этого дня, сколько готовились!

Электрический свет вырвался из дверей школы и растаял в морозной мгле. Задорно звенели голоса ребят, тонко пели полозья. Нарты летели навстречу звёздной новогодней ночи.

ХРАБРЫЙ МЫШОНОК ПЫРЬ

Холодная зима очень старой покажется: будто давным-давно она на тундру стужей дышит, и люди уже не помнят, когда было лето. Укрыться бы потеплее и спать, спать! Пока жаркое солнце не заглянет, лучами не защекочет...

Но сегодня Ундре будто кто разбудил: глаза раскрылись, и сон пропал. Через закрытое тюлевой занавеской окно слабо просачивалась сиреневая дымка рассвета.

Не может Ундре ещё привыкнуть к тому, что чума больше нет. Пока он учился, колхоз успел построить для оленеводов дома. Для Эви и Ай-по тоже построили дом. Небольшой, но крепкий, тёплый. Двери открываются бесшумно, крашеные доски под ногами такие же гладкие и тёплые, как в интернате, пол называются.

Кто-то потёрся об оттаявшее стекло и с любопытством заглянул лиловым глазом в комнату.

— Авка! — обрадовался Ундре и выскочил на крыльцо.

— Чего ты? Чего? — чирикнул на поленнице бодрый воробей и деловито поворошил клювом перья.

— Здравствуй! — крикнул Ундре воробью и спугнул его.

Первый зайчик зари прыгнул на дрова. Ундре распирала нахлынувшая радость, ему хотелось смеяться и сейчас же всех разбудить. Ведь кто-то сейчас досыпал зиму и не знал, что она прошла! Сегодня ночью последний мороз силы потерял, снег сделался рыхлый, мокрый. Плачет зима. А Ундре весело.

— Раньше учительского времени встаёшь!— одобрительно заметил Ай-по, отбивая с кисов липкий снег.

Ундре обнял за шею своего любимого оленя.

— Это ты меня разбудил! Правда, Авка?

Авка согласно махнул головой, обнюхивая рукава и карманы — неужели Ундре не припас ему лакомства? Но сахар оказался под шапкой, и мальчишка рассмеялся своей хитрости. Они хорошо понимали друг друга — олень и Ундре. Оба помнят, как началась их дружба.

Однажды летом дедушка принёс на руках из стада в чум маленького белого оленёнка. Оленёнок испуганно озирался, мокрая кожа на нём мелко дрожала.

— В овраге нашёл,— пояснил Ай-по.— Плохая болезнь в стаде,— грустно вздохнул он,— копытка называется.

Страшная это болезнь! Олени не могут ходить от ран на ногах, ложатся и погибают где-нибудь в кустарнике, в болоте. И прячутся так, что не сразу найдёшь.

Старые оленеводы говорили, что во всём виноваты злые духи. Это они насылают на оленей плохие ветры с горы Пайер...

Однако на вертолёте прилетели ветеринары и лечили оленей. Уколы ставили и Авке. Оленёнок смотрел на людей жалобно и просяще. Ундре целыми днями не отходил от него.

Выздоровел оленёнок и привязался к Ундре. Пойдёт тот собирать ягоды — и Авка с ним. Костёр начнёт разжигать — и оленёнок тут же тычется, принюхивает-

ся к дыму. А потом отпрыгнет в сторону и начнёт носиться вокруг чума — смотрите, какой я быстрый, сильный! Смотри, Ундре!

Теперь Авка забыл детские забавы. Ведь он стал выездным оленем-вожаком, трудная у него работа! Первым в упряжке идёт, ветер грудью встречает. Нельзя вожаку усталость показать, а то остальные олени в снег лягут — пропала дорога... Авка — умный, надёжный вожак, силы хорошо умеет рассчитывать...

Ундре прижался к другу. За весенние каникулы он может много рассказать ему о другой жизни, где ездят не на оленях, а на машинах с колёсами.

— Ундре,— зовёт бабушка Эви,— нельзя с утра голодным на улицу выходить.

— Сейчас,— нехотя расстаётся он с Авкой и идёт к дому.

Он садится за стол, не смотрит в окно. Слышно, как между рамами бьётся одинокая большая муха. Пригрелась с солнечной стороны, захотелось полетать.

Ундре поел, ему тоже хочется побегать, поэтому плохо сидится. Вон за окном плачут сосульки, и Ундре опять отворачивается. Ему ещё задачу придумывать нужно. На каникулы задал учитель, чтобы совсем самостоятельно головой работать учились.

— Охотник убил двадцать белок,— вслух сочиняет Ундре,— и сдал их заготовителю дяде Мише по одному рублю... Сколько рублей получил охотник?

— Такого охотника, какой у меня Ундре, выгонять надо из колхоза!— вдруг, перестав что-то строгать, сердито сказал Ай-по.— Хороший охотник белку сдавать будет только по три рубля,— поясняет он оторопевшему внуку.— А Ундре не научился метко стрелять, шкурку портит, плохим сортом сдаёт — за рубль.

— Разве ты, Ай-по, не спотыкался?— вступается бабушка.

Она сидит на жёлтой циновке, сплетённой из переросшего пырея. Вокруг разложены лоскутки из шкуры с оленьих лап. Бабушка вышивает орнамент рожками, кубиками — замечательные кисы получатся.

— Однако, с одной стрелой уходил в тайгу, а без добычи не возвращался,— проворчал Ай-по и снова уселся на своё место, принялся строгать.

Жёлтенькая стружка завивается кудрями и через колено катится к дверцам печи. Ай-по одним ножом может сделать и гимгу — сетку из прутьев, и нарты, и весло. Ему не надо ни топора, ни гвоздей.

— Каслать пошли, у оленевода было сто важенок, быков на тридцать меньше,— опять вслух сочиняет задачу Ундре.— Сколько всего оленей должно быть у пастуха при осеннем подсчёте?

Бабушка Эви поглядывает на внука с гордостью. «Вот ведь какой,— думает она.— Хоть дедушка и ворчит, а внук уже и новую придумал».

— Маленький хозяин,— тихо шепчет она Ундре,— колхозные дела один за всех научился решать.

Ундре слышит бабушку, краснеет от удовольствия и уверенно скрипит пером.

— Значит, так,— догадывается он.— Сначала отнимем, потом прибавим. Каждый палец — десяток важенок. А как же прибавить к ним быков?

Тут уж задвигались пальцы и на ногах.

Ай-по усмехнулся.

— Мой счёт лучше,— показывает он на брусочек весь в надрезах.— Такая будет деревяшка, не надо на бумаге куропачьи следы оставлять.

Ундре с укором смотрит на дедушку: это грамота-то куропачьи следы?! А кто же говорил, что надо учиться, кто в школу Ундре повёз?

— Оленей было осенью сто семьдесят штук!— торжественно объявляет Ундре и трясёт листком.

Бабушка даже прыснула в рукав: что теперь скажешь, старик-ворчун?

— Однако, Ундре, ты неправильно решаешь,— печально говорит Ай-по, стряхивая с себя стружки.

— Как, неправильно?!— вытянул шею удивлённый Ундре.— У меня по арифметике всегда бывает пять!

— Напрасно такую отметку получаешь,— сердито крутит головой Ай-по.— Если будут задачи так решаться, колхоз без оленей останется!

Дедушка рассердился не на шутку. Он помолчал и сказал:

— Хоть на бумаге пишешь, думать всё равно надо. Если я беру в каслание сто важенок, то осенью будет двести оленей! Каждая важенка должна принести своего оленёнка. У Ундре ни одного оленёнка. Он не пас оленей. Стадо волкам отдал. Зачем Ундре в тундру пускать?

— Да это же я как будто нарочно!— чуть не плачет внук и смотрит на бабушку.

А бабушка совсем расстроилась, брови подняла, ждёт, что Ай-по дальше скажет. Совсем ребёнка замучил!

— Почему это нарочно?— не унимается дедушка.— Про оленя решаешь задачу, значит, ты оленевод. Разве государство не ждёт мяса? Разве не нужно колхозу большое стадо? А Ундре плохо оленей пасёт, не хочет работать, всё проспал!

— Всё равно у меня правильно!— бубнит Ундре, ковыряя промокашку пером.— Числа я правильно сложил, а слова так придумал.

— Напрасные слова делу не помощники,— наконец сел Ай-по ближе к внуку на стул.— С дедушкой споришь, как мышонок!

— Это почему же я мышонок?— обиделся Ундре, губы надул.

— На дедушку мало-мало кричишь, споришь,— по-доброму улыбнулся Ай-по.— Упрямого мышонка мне напомнил, сказка про него есть...

Сразу пропала куда-то обида. Теперь уж он каждое слово будет слышать — не ворчать дедушка собрался, а сказку рассказывать. Можно и послушать. Две задачи придумал, отдыхать можно.

...Жил на берегу озера мышонок по имени Пырь. Пришла весна, наступил ледоход. Сидит как-то Пырь на проталинке у самой воды, греет свою шубку. Вдруг увидел плывущую льдину и как закричит:

— А ну, поворачивай, да не вздумай задеть меня! Обратно плыви! Слышишь, что я тебе говорю?

— Тебе легче отпрыгнуть,— говорит льдина.— А как же я поплыву обратно, когда все мои сёстры в одну сторону идут, так вода велит.

Подгоняемая течением льдина проскочила перед самым носом мышонка и чуть не раздавила его.

Прыгнул Пырь повыше на берег и начал кричать:

— Я тебе говорил, не трогай меня! Смотри, как выглянет Главный Свет, своими лучами, как иглами, исколет тебя, рассыплешься и превратишься в пустую воду!

Солнце-Свет прислушалось, рассердилось на мышонка:

— Если с одним ссоришься, не поминай всех. Чужую силу своей не считай.

— Ты, Главный Свет, тоже не указывай!— пискливо закричал Пырь.— Ходишь там без толку. Мог бы светить с одного места. Глаза слепишь — всякий, кто на тебя взглянет, смешную рожу скорчит! Придёт вот Туча, закроет — и не будет тебя!

Не понравились Туче такие слова.

— Зачем мной грозишься, мышь? — спрашивает Туча.— Посмотри, даже те, кто меньше тебя, делом занимаются: муравьи дом строят, бабочки цветы считают. Найди и себе дело.

— Замолчи, лохматая,— не закрывает рот Пырь.— Придёт Ветер, он все твои грязные лохмотья на четыре стороны разбросает!..

Услышал Ветер, зашумел:

— Хоть ты и маленький, а очень упрямый! Зря спорить любишь. Не языком сейчас болтать надо, а ногами работать. Вода нору затопит, без дома останешься.

— Тебе-то уж совсем нечем хвастаться!— огрызается Пырь.— Я маленький, да каждый меня видеть может! А тебя кто видит? Шумишь без толку.

Возвращался с охоты Человек, услышал этот разговор, качнул головой:

— Если таким злым останешься — никогда друзей у тебя не будет!

— Однако я не спрашиваю тебя, бесхвостый!— напустился на Человека Пырь.— Не указывай мне, как жить. За всё время не можешь научиться на четырёх ногах бегать!

Сидит мышонок на пригорке и ругает так всех подряд, кого увидит. Даже прошлогодняя трава пригнулась от стыда за его глупость. Удивлялись звери и птицы: такой маленький, а сколько злости, это хорошо не кончится! И, ничего не отвечая мышонку на его крики, продолжали заниматься своими делами.

«Вот какой я, никого не боюсь!— думает Пырь, гордясь собой.— А меня все боятся. Никто слова поперёк не смеет сказать, совсем замолчали!..»

Пролетала мимо Сова мягкокрылая, увидела мышонка — слова не обронила, неслышно подлетела, схватила мышонка, только хвостиком успел он махнуть.

АЙ-ПО — СЫН МАТЕРИ

Солнце выкатилось из-за увалов, прыснуло на посвежевшую тундру миллионом звёздочек, и они заискрились, замигали — больно глазам. Бабушка Эви зажмурилась и в мыслях торопила оленей. Скорее бы увидеть Ундре!

— Э-гей!

Четыре быка-оленя натянули постромки, снегом из-под копыт забросали Ай-по и Эви. Ай-по словно прирос к нартам, и хотя они прыгают по буграм, тело его остаётся неподвижным.

Он щурится, подставляет лицо лучам, их чуть заметному теплу и поёт песню Солнцу:

Ты почистилось в снегу,
На хорей спустилось вниз.
Бороде седой тепло...
Хорошо мне, хорошо!..
Авка высунул язык,
Паром дышит мне в глаза.
Звёзды вдруг упали вниз —
На кустах блестят они.
Эви, куклой не сиди,
Посмотри, который час

На часах, что подарил
Нам директор на двоих.
Солнце тёплое весной.
Хорошо мне, хорошо!..

Вырос Авка, отличным вожаком стал. Быстро бегут олени. И весело звенят в лад с песней бубенчики. Куропатки сидят неподвижно на таловых кустах, смотрят вслед упряжке: куда это мчится Ай-по?..

Ещё издали по белой нарядной ягушке Ундре узнал, что едет в гости бабушка Эви. Он узнал и ведущего оленя — своего Авку. Ребята гурьбой высыпали из интерната...

— Ай-по приехал! Ай-по! — окружили они нарты. Ундре, споткнувшись о порог, упал прямо в объятия бабушки.

— Маленький мой оленёнок! — начмокивает Эви в пухлые щёки внука.— Бабушка от скуки по тебе молчаливее рыбы стала.

— Дорогие гости, проходите,— вышел на крыльцо учитель, приглашает гостей.

Ай-по откинул с головы капюшон малицы, поздоровался. В школе он бывал не раз. На перекрёстке всех дорог стоит она, и объехать её в тундре нельзя. Зимой через озеро все дороги идут мимо школы.

Расспрашивал Ай-по обо всём и удивлялся — как много дел у ребят. И дела эти называются непривычными серьёзными названиями. Са-мо-под-го-тов-ка! Это когда головой два часа работать, самостоятельно задачи решать. Физкультура! Это на лыжах бегать, через нарты скакать, учиться бросать аркан. Трудчас! Это старшим помогать, чистоту наводить повсюду, свою одежду чистить, чинить... Всех дел сразу и не упомнишь!

Правда, Ай-по хотелось с учителем поспорить — зачем чинить, зачем женскую работу выполнять? Труд-

час — надо сети идти ставить, рыбу ловить, капканы на зверя ставить...

Учитель от вопросов лисой не бегал, внимательно слушал. Когда поспорит, а когда и запишет в карманную книжечку мудрость старика. Ай-по уважал учителя. Много знает учитель — не меньше, пожалуй, старых людей! Ай-по всегда интересно говорить с учителем. Поздоровается Ай-по и капюшон с головы откинет: хорошие слова надо в оба уха слушать!..

— Проходите! — ещё раз обратился учитель к Эви, которая всё ещё крепко обнимала любимого внука.

— Оттого что лицо мокрое, разве больше любви будет? — смущённо проговорил Ай-по. — Эви, как куропатка, от радости сама не знает, для чего снег топчет!.. Дети тундры одинаково ждут ласки. Не один Ундре...— закончил он строго и полез в рукав малицы за табакеркой.

— Разве Ай-по забыл, — оправдывалась бабушка, доставая из узла гостинцы для остальных ребят, — олени все вместе пасутся, да каждая важенка-мать первым своего оленёнка разыщет...

Ундре чувствовал себя хозяином. Он охотно рассказывал бабушке про интернатскую жизнь. Вот постели на своих ногах — кровати называются. А там вон — целая комната умывальников, в кармашках — зубные щётки. А это — читальня, до самого потолка полки с книгами. Тепло и уютно в интернате и весело — все ребята улыбаются и охотно показывают свои комнаты.

Внимательно смотрит Эви в глаза внуку — есть ли в них хоть капелька грусти или скуки, думает ли Ундре о родном доме?.. Он очень рад, увидел бабушку, дедушку и Авку! Но грусти нет в его глазах. И скучать ему некогда. Много знать стал Ундре, глаза блестят от постоянного любопытства — ещё больше узнать хочет мальчишка, и умные книги теперь ведут с ним беседы...

— Однако, забудет Ундре свой дом!— вздыхает бабушка, наблюдая за ребятами.

По коридору со звонком пробежал дежурный.

— Есть пора!— объявил Ундре.

После ужина сдвинули столы, с потолка опустили экран. Затрещал киноаппарат.

— Какой большой лось!— удивилась Эви, показывая на экран.

— Это слон,— скромно поправил Ай-по.— Слоны живут в жарких странах, где снега совсем не бывает,— добавил он.

Эви удивлённо покосилась на дедушку — откуда знает?

Ай-по не сказал, что раньше заезжал в школу и смотрел в книге картинки про зверей, а учитель ему объяснял...

Бабушка Эви даже обиделась, что ничего не знает про слона, и поджала губы. Вдруг под ней что-то чихнуло и взревело.

— Духи неба!— закричала Эви и вскочила с места.

— Ой, ой, говорящий ящик за стул приняла!— усмехнулся Ай-по.

— Это динамик называется!— пояснил Ундре с гордым видом и заботливо добавил: — Вот сюда садись, бабушка, тут хорошо тебе будет!

И опять подумала Эви, какой большой и какой умный у неё стал внук. Она ещё раз испуганно покосилась на удивительный ящик, покачала головой и села на стул.

А на экране происходили такие чудеса, что бабушка забыла и свой испуг, и свою обиду, и подтолкнула дедушку:

— Смотри, Ай-по! Люди без одежды ходят — комара не боятся!..

— Хэк, какая ты, Эви,— просопел дедушка.— Слу-

шай, что расскажет говорящий ящик... Это совсем другая тайга,— шептал он.— На одном олене все дороги не изъездишь, много ли ты видела? Тундра, как сковородка, а вся Земля как мячик. Эти люди с той стороны Земли. Там жарко.

— Как бы я с той стороны мячика ходить стала?— удивилась бабушка.

Ай-по почесал в затылке, подумал и сам себе усмехнулся — правда, а как же люди с другой стороны ходят? Однако, надо ещё раз спросить учителя...

Ребята готовились ко сну. Эви штопала им носки — чижи, на пальцах у неё поблёскивали кольца.

— От тряпичной нитки прочности не будет,— вздыхала она, разрывая неуклюже стянутые швы. В зубах бабушка держала привезённый из чума пучок оленьих жил — только ими и можно шить меховую одежду и обувь.

Игла ныряла, ловко прокалывая оленью шкуру. Казалось, Эви только подталкивала её напёрстком.

Ай-по присел на постель к Ундре, поправил с боков одеяло, потрогал рукой подушку — мягкая и белая, как свежий снег...

— Дедушка,— просит внук,— расскажи сказку!

— Ай-по,— послышалось и с других кроватей,— расскажи нам про свою жизнь!

— Вы просите от меня сразу два дела,— усмехается Ай-по.— Язык, как хвост у песца: машет влево — сказка уходит вправо,— уклончиво говорит старый оленевод,— оленю дорогу хореем помогают найти. Кто же мой язык поправит, если он заблудится?

— Ундре! Ундре! Пусть он будет вторым!— раздались голоса со всех кроватей.

Ребята догадались: дедушке нужен помощник. Он должен внимательно следить за рассказом, а где сомневается, проверить — правильно ли Ай-по говорит.

Внук прикусил указательный палец, нахмурил лоб. Он вспоминал сейчас все сказки, которые слышал от деда. Если Ай-по второй язык попросил, значит, разговор будет длинным.

— Ай-по — Сын Матери,— начал Ундре.— Много зим прожила его мать, волосы белее снега, руки не могли больше мять оленью шкуру...

— Молодец, Ундре!— похвалил дедушка.
— Хотим эту сказку!— поддержали ребята.
Прикрыл глаза Ай-по, чуть-чуть покачивается. И не понять его, не то поёт, не то рассказывает он.

— Плохо жил Сын Матери, даже оленей не было,— продолжает Ай-по рассказ.— В те времена от бедности носил штаны из налимьей кожи.

— Ай-ай!— возмутился Ундре.— Сходил бы ты, дедушка, к нашему председателю Павлу — он бы приказал продавцу продать тебе тёплую одежду!

— Однако, не было, Ундре, тогда председателя. В тайге хозяйничал страшный Мек-иги. Была у него дочь красавица Эви. Говорили, что у неё волосы темнее ночи, глаза, как чёрная смородина, зубы ярче луны. Не видели ещё люди такой красоты!..

— Эви! Так ведь это моя бабушка?— удивился Ундре.
— Сказка не любит торопливых и недоверчивых!— сказал Ай-по и помолчал, собираясь с мыслями...

...Стал Ай-по собираться в дорогу — счастья искать.
— Наш народ всегда жил дружно,— сказала на

прощание мать,— всю добычу носили в чум. Вот всё, что у меня есть.

Она подала сыну золотую монету и гибкий лук.

— В нём твоё счастье и в нём твоя смерть. Будь осторожен, сын!

— И ещё сто стрел,— добавил Ундре.— А то забудешь взять.

— Когда мой внук видел, чтобы дедушка управлял оленями без хорея, ходил ловить рыбу без сетки?— обиделся Ай-по.

...Много дней шёл Сын Матери через болота. Растаял снег, созрела морошка, первые бураны начались. А он всё шёл и шёл, не зная усталости. И вдруг увидел на дороге Колотушку, которой отбивают с кисов снег. И он спросил:

— Не скажешь ли, Колотушка, как дорогу найти к чуму Мек-иги?

— Можешь идти туда, откуда не видать меня!— проворчала глупая Колотушка.

Махнул Сын Матери рукой и пошёл своей дорогой. Увидел он Камень. И спросил:

— Не скажешь ли, Лысый Мудрец, как дорогу найти к чуму Мек-иги?

— Дорогу ищут ноги,— ответил Лысый Мудрец.— Где ищешь, там и дорога. Но могу открыть один секрет, которого не знают люди. Только ответь мне сначала, зачем тебе нужен Мек-иги?

— Я хочу красавицу Эви в жёны взять!— ответил Сын Матери.

Понравился Камню прямой ответ, и он сказал:

— Увидишь Эви — не вздумай любоваться её красотой, а то ноги твои в землю врастут, Мек-иги схватит тебя и убьёт!

— Что же должен я делать?

— Скорее проколи её сердце ножом, и исчезнет страшное колдовство, и она станет человеком, дочь страшного зверя Мек-иги.

Поблагодарил Сын Матери за совет и отправился дальше. И увидел Капкан.

— Не скажешь ли, Железные Зубы, как дорогу найти к чуму Мек-иги?

— Где остановишься, там и дороге конец,— ответил Капкан.— Только я первый раз вижу такого смельчака, что сам к Мек-иги идёт. И вот тебе мой совет. Чтобы победить Мек-иги, надо заставить его снять золотой панцирь, который носит он под своей мохнатой шкурой.

Поблагодарил Сын Матери за совет и отправился в дорогу. Шёл, пока ноги шли. В ночь седьмой луны увидел он огромное дерево — лиственницу. Корявые сучья подпирали небо, толстые корни сквозь землю прошли. Два дупла было на дереве. В нижнем жил сам Мек-иги, в верхнем его дочь— красавица Эви. Вокруг паслись олени. И было их столько, что год считай — не сосчитаешь. Вот какой богач Мек-иги!

— Эй, вставай, ленивый Мек-иги!— крикнул Сын Матери.— К тебе Человек пришёл!

Зашевелились сучья, закачалась земля, поднялся ветер.

И кто-то невидимый вдруг сказал:

— Ты что кричишь, пришедший в налимьих штанах? Убирайся отсюда, не то твоя голова найдёт место на верхнем суку!

— А ты не пугай меня! Я пришёл к Мек-иги, вот и веди меня к нему!— смело сказал Сын Матери.

Тут же закружил сильный ветер и втянул его в дупло. Так велико было дупло, что Сын Матери долго бежал по нему, как по огромной пещере, подгоняемый

ветром. Но вот всё стихло... Смотрит Сын Матери — вокруг лежат горы золота, а в середине в золотом котле спит Мек-иги.

«Зачем ему столько жёлтых камней?» — удивился Сын Матери.

А Мек-иги спит, чёрный язык высунул, волосатыми глухариными лапами за край котла держится, с двух сторон — два деревянных идола стоят, сон зверя охраняют...

— А ну, будите его! — крикнул Сын Матери.

Вздрогнули, зашевелились идолы и кинулись будить-колотить Мек-иги. Спит тот, не просыпается.

Сын Матери достал из кармана золотую монету и постучал о край котла. И открылись горящие жадностью глаза Мек-иги, стал он принюхиваться — откуда золотым звоном пахнет? Но, кроме охотника, никого не увидел.

— Чего тебе надо, тощий человечишка? — зевнув, спросил Мек-иги.

— К тебе пришёл Сын Матери! Готовься к честному бою. Я заберу красавицу Эви к себе.

Зарычал Мек-иги, заворочался в тесном котле и дохнул так, что улетел смельчак в другой конец дупла.

— Взять мою дочь?! — сильнее грома гаркнул Мек-иги, широко раскрылся рот-яма, на весь лес загрохотал хохот зверя, страшно застучали друг о друга клыки, огромные, как лосиные рога. Но у Мек-иги не хватило воздуха для долгого смеха. Толстый живот тяжело затрясся, как у загнанного оленя. Захлопнул Мек-иги пасть и зло уставился на человека.

— Если воевать со мной не хочешь, — спокойно сказал Сын Матери, — тогда задай мне работу, какую пожелаешь!

Закатил Мек-иги свои глазищи, поджал губы, глухариной лапой за ухо себя схватил — задумался...

И вот что придумал:

— Хочу, чтобы все тропы, по которым на охоту хожу, ты мне золотом засыпал! — И ещё громче засмеялся.

— Хорошо, — ответил Сын Матери, когда умолк страшный смех, — я смогу принести тебе столько жёлтых камней.

— Мало! — вдруг опомнился Мек-иги, и глаза его стали наливаться кровью от жадности. — Мало! Однако у тебя не может быть такого богатства.

— Да, — согласился Сын Матери. — Богатство моё не в этих жёлтых камнях, а в руках. — Он повернулся, чтобы уйти, и кинул на землю золотую монету, которую дала ему мать. Монета быстро покатилась вокруг котла. Мек-иги бросился её ловить.

Усмехнулся охотник такой жадности и пошёл рукам работу искать. Спать не ложился, всё насыпал камнями и песком мешки из налимьей кожи. Когда их стало больше, чем в лесу деревьев, пришёл к Мек-иги. Мек-иги всё ещё бегал вокруг котла за монетой и никак не мог догнать...

— Иди забирай свои жёлтые камни, — сказал Сын Матери.

Мек-иги от радости откусил себе половину левого уха и бросился в тайгу, забыв и про свою дочь.

А Сын Матери залез быстро в верхнее дупло, огляделся — видит: сидит на белой шкурке молодого оленя девушка, из ладони в ладонь звёзды пересыпает. Подивился он красоте Эви, глаза у которой цвета чёрной смородины, волосы темнее ночи, а зубы ярче луны. Но не заворожила его красота, вспомнил он наказ Лысого Мудреца, выхватил нож, проткнул дочери Мек-иги сердце. Сам опустился рядом на колени и стал просить духов вернуть своей невесте человеческую жизнь. И вдруг нож сам прыгнул обратно в чехол, а лицо де-

вушки стало ещё красивее. Посмотрела Эви тёплыми глазами вокруг, протянула к Сыну Матери руки.

— Моя мать тоже была человеком,— сказала Эви,— и часто плакала, вспоминая свой родной чум. А когда тоска изъела её сердце, она умерла. Я знаю, это Мек-иги убил её! Он спрятал её от людей, жестокий Мек-иги! А ты освободил меня из вечного плена, ты вернул меня к людям, и я буду твоей послушной женой.

Взял Сын Матери невесту на руки и понёс через болота, где краснела клюква. Много раз по дороге они ставили чум.

— Ай, ай,— нахмурил своё лицо Ундре.— Почему же Сын Матери не пустил сто стрел в жадного Мек-иги? Ведь злодей может много бед сделать!

— Половину сказки прослушать — огня на одну трубку хватает. Мне трубку набить, вам подождать,— ответил Ай-по.

Пока он занимался своим делом, ребята осаждали расспросами Эви.

— Бабушка, правда ли ты была дочерью Мек-иги?

— Почему ты нам раньше ничего не говорила?

— И где же это твоя красота?— сел на постели удивлённый Ундре.— Ведь не блестят чёрной смородиной глаза, не светятся луной зубы, волосы трёх цветов, лицо в морщинках...

— Эк, мой внучек,— перестала шить Эви.— Может, не нравятся тебе мои морщинки? Но ведь не за красоту любят бабушек — за добрый совет да за ласку! Или я не так говорю?

— Так! Так! Это верно, бабушка!— согласились ребята.

— Но что же было дальше, дедушка?

— А дальше вот как было,— продолжил разговор Ай-по. Он опять прикрыл глаза и начал растягивать слова.

...Разорвал мешки Мек-иги и увидел вместо золота обыкновенный речной песок.

— Куда спрятался, жалкий человечишка?!— заскрипел он зубами и с досады откусил себе половину правого уха.— Не уйдёшь от меня,— вопил он.— Я изжарю тебя на костре, как куропатку.— И, цепляясь левой кривой лапой за правую, бросился вдогонку.

Так и бежал, пока не попал ногой в Капкан.

— Я тебе покажу, как кусаться! Где беглецы, ржавая железка?— задрыгал он раненой лапой.

— Не скажу!— ответил Капкан.— Я всегда рад помочь людям, а ты разогнал всех зверей в тайге. Некого мне ловить теперь, кроме тебя.

Растоптал Мек-иги Капкан, побежал дальше, пока не споткнулся о Камень.

— Я тебе покажу, как под ногами мешаться, лысая твоя голова! Где беглецы?

— Не скажу!— ответил Камень.— Когда они уставали, то садились на мою широкую спину, отдыхали и пели песни. А ты только и знал, что точил об меня зубы — все бока мне протёр!

Разгрыз с досады Мек-иги Камень в мелкие крошки и побежал дальше. Наступил он на один конец Колотушки, а другой чуть глаз ему не вышиб.

— Это кто посмел меня стукнуть?

— Я, я!— запрыгала от радости Колотушка.— Теперь даже ты видишь, что не мной бьют, а я стукаю.

— Перестань болтать, деревянная башка! Не видела ли, где беглецы?

— Как не видела,— ответила Колотушка.— Несколько дней они отбивали мной снег со своих кисов. Могу показать...

— Нет, нет, дедушка! Зачем дал Деревянной язык болтливый?— прервал сказку Ундре.

— Пусть уж лучше в сказке бывает плохое, чем в жизни.— Неторопливо и внимательно обвёл всех взглядом Ай-по.— А в жизни Колотушка занимает своё место, когда же сломается — её бросают в костёр.

...Дрожит земля от топота Мек-иги. Заплакала красавица Эви, обняла охотника.

— Ты узнал про жадность Мек-иги и победил его, ты вернул меня к людям,— сказала она.— Но убить Мек-иги никто не сможет.

Натянул Сын Матери гибкий лук и пустил свою первую стрелу. Запела она, подобно ветру, взлетела выше гор и, как льдинка, сломалась о тело Мек-иги. Однако и стрелы Мек-иги без вреда проходили через тело охотника.

— Гой-гой,— удивился Мек-иги.— Мои стрелы, от которых не уходил ни один зверь, мои стрелы, которые разбивают камни в пыль, не могут поразить человечка, стоящего на двух ногах-прутьях.

— Э, Колотушка,— прохрипел Мек-иги,— иди узнай, где же смерть этого, кто называет себя Сыном Матери.

Побежала Колотушка по буграм. «Тук-тук-тук»,— стучат её деревянные ноги. Прибежала она к чуму охотника и встала в углу тёмного входа.

Устал Сын Матери, клонит его ко сну.

— Не спи,— умоляет его Эви.— Расскажи лучше мне, отчего ты такой сильный и почему у тебя нет

смерти? Многие хотели похитить меня, но, кроме тебя, все нашли смерть у дупла Мек-иги.

— Как и всякий человек, я могу умереть,— ответил Сын Матери,— а сильный я потому, что у меня есть лук и стрелы, которыми ещё предки мои поражали врагов. И стрелы эти не знали промаха. Но если попадёт Мек-иги в мой лук — его и будет победа!

Услышала эти слова Колотушка, затряслась от радости. Побежала сообщить новость Мек-иги.

Ещё не пробудились птицы, а Сын Матери стал готовиться к бою. Но не успел он взять лук, как стрела Мек-иги расщепила его на две части. Ослаб Сын Матери, мёртвым упал на сырой мох...

— Неужели Свет-Солнце не видело зла Мек-иги? — испугался Ундре.— Ветер, у которого сто глаз, не мог сказать Матери?

— Не спеши,— остановил его Ай-по.— Ещё не конец сказке.

...Который день болит сердце у Матери, не может она уснуть. Сердце просит пойти далеко в тайгу. Собралась она в дорогу. Недолго собиралась, не на оленях ехала — своими ногами шла, на палку опиралась. Не полные нарты еды брала — завернула в узелок сушёной рыбы, что оставалась в чуме. Прошла она столько дорог, пока клюка до самой ручки не стёрлась. Поднялась на холм и увидела тело своего сына. Упала Мать на колени.

— Зачем мне жизнь,— сказала она.— Я прожила её. Пусть я буду на его месте...

Сказала так и отдала своё дыхание сыну. Открылись у него глаза. Всё понял Сын Матери — и заплакал. Похоронил он Мать, обычаи исполнил, погрустил

на могиле и стал собираться в дорогу — опять к дуплу Мек-иги...

Сидит Мек-иги в своём котле, золотые камни на зуб пробует. Увидел он Сына Матери — своим глазам не поверил, чуть не подавился. «Видно, правда не легко его убить! Силой я его не взял, так убью хитростью!»

— Эй, пришедший в налимьих штанах,— обратился он.— Если хочешь, чтобы Эви была твоей женой, выполни мои две просьбы: сложи песню, да такую, чтобы мне понравилась, и посмотрим, кто больше из нас выпьет горячего чая.

Взял Сын Матери кусок сухого дерева, расколол пополам. Одну половину изнутри почти до самой коры пустой сделал, сверху закрыл доской с отверстием. Потом натянул пять струн из жил и сел возле Мек-иги. Одну струну заденет — будто ветер поёт, другую тронет — ручей рядом журчит, по третьей проведёт — жалобный стон издаст она, а четвёртая — глухо закашляет. Удивился Мек-иги: кусок дерева всеми голосами тайги владеет! Удивился, но промолчал.

— Начинай складывать песню, да смотри пой хорошую,— сказал он.— А не то я раздавлю тебя, как комара.

Запели струны, запел Сын Матери:

Пусть солнце и звери,
Птицы и ели —
Пусть добрые люди живут.
А страшный Мек-иги,
А жадный Мек-иги,
Пусть кости твои сгниют...

— А что такое «страшный Мек-иги»? — прервал песню людоед-звероед. Он не знал всех человеческих слов.

— Страшный? — задумался Сын Матери.— Это значит красивый. Красивей всех зверей в тайге. Нет более

гладкой шерсти, чем у тебя, нет более цепких когтей, чем у тебя.

— Очень хорошо,— рассмеялся довольный Мек-иги,— дальше придумывай!..

Только начал снова играть Сын Матери, людоед-звероед опять взревел:

— Эй! А что такое «жадный Мек-иги»? — усомнился он.

— Жадный? — подумал Сын Матери и ответил: — Это значит самый богатый, богаче, чем наша река Обь.

— Так,— согласился Мек-иги.— Но объясни мне, кто такие «добрые люди»? — спросил он подозрительно.— И конца песни я что-то не расслышал?

— Добрые люди — это бессильные люди,— улыбнулся Сын Матери и подумал: «Ну до чего же глупый Мек-иги!»

— Люди, как зайцы,— рассмеялся Мек-иги.— Тощие люди, одни кости. Совсем мало крови и мяса в них. Хорошую песню сочинил ты! Я хочу знать твоё имя и из каких краёв пришёл ты?

— Меня звать Вчера,— усмехнулся охотник,— и из краёв я пришёл вчерашних.

Мек-иги вдруг спохватился, что по-доброму беседует с человеком, выкатил злые глаза и взревел:

— Ну а теперь, негодный Вчера, хочу я увидеть, как ты выпьешь вот этот котёл чая, что вскипел, пока ты болтал свои песни.

Посмотрел Сын Матери на костёр и сказал спокойно:

— Я никогда не пил чая. Я не знаю, как наливать его в рот.

— Глупый Вчера! Смотри, как надо делать!

С этими словами Мек-иги снял котёл и раскрыл рот. Сын Матери только и ждал этого. Он быстро опрокинул

котёл с кипятком в страшную глотку, а сам выскочил из дупла.

— А как же Эви? — насторожился Ундре.

— Однако, Ундре, нетерпеливость не делает человека умным,— говорит Ай-по.— Сказка ещё не кончилась.

Мек-иги катался по земле и ревел:

— А-а-а! Ош-па-арил!

На крик вышла Эви.

— Что случилось? — спросила она.— Почему дрожит земля и осыпаются листья с деревьев?

— Ош-па-арил! — орал Мек-иги.

— Кто ошпарил?— не понимает Эви.

— Вчера ошпарил. Ой! Вчера-а!

— Вчера ошпарил, почему же кричишь сегодня?

— Глупая! — шипит Мек-иги.— Я говорю, меня Вчера ошпарил. Где он?

— Безмозглый Мек-иги, ты путаешь, что было вчера, а что сегодня.

— А-а! Ты не хочешь подчиняться самому сильному, самому грозному.— Вскочил Мек-иги.— Теперь ты будешь таскать для меня холодную воду с озера, я буду пить её, пока мой живот не станет холодным, как кожа лягушки.

— Где Сын Матери?— теребит деда Ундре.— Почему он не освободит Эви?

— Об этом сейчас узнаешь,— улыбнулся Ай-по.

...Усталая идёт Эви к озеру. Наклонилась она к воде, чтобы зачерпнуть её золотым ковшом, и увидела там отражение своего любимого.

Подняла голову, вскрикнула и горько заплакала:

— Ты должен уйти! Мек-иги убьёт тебя...

— Не могу я уйти один. Ты пойдёшь со мной,— ответил Сын Матери.— Железные Зубы открыл мне секрет, где смерть Мек-иги. Утопи золотой ковш и скажи об этом жадному Мек-иги. И он побежит к озеру. Только пусть снимет свою кольчугу!

Послушалась Эви и сделала так, как просил Сын Матери. Вернулась к Мек-иги.

— Совсем мало у меня сил,— сказала Эви.— Не смогла я принести тебе воды. И золотой ковш твой упал в озеро!..

Затрясся, захрипел от злобы и жадности Мек-иги.

— О, сильный Мек-иги!— сказала Эви.— Ты один можешь достать ковш! О, могучий Мек-иги!

— Да! Я всё могу!— заревел тот и кинулся из дупла.

— Стой, Мек-иги!— громко закричала Эви.

— Ну, что ещё? — недовольно рявкнул Мек-иги и остановился.

— Озеро так глубоко и холодно, что тебе тяжело будет в кольчуге оттуда выбраться, и я боюсь, как бы не случилось с тобой беды...

Подумал Мек-иги: правду говорит Эви. И он в первый раз за всю свою жизнь снял золотой панцирь и легко, быстро побежал к озеру.

А у самого озера вышел ему навстречу Сын Матери и сказал:

— Пришёл твой конец, Мек-иги! Получай за всё твоё зло!

И охотник выпустил свою меткую стрелу. На том месте, где только что был страшный Мек-иги, заклубилось чёрное облачко, которое тут же развеял ветер.

А Сын Матери с красавицей Эви пошли своей дорогой. Птицы дарили им все свои песни, деревья отво-

дили от их лиц свои ветви. Радовались люди. Всех оленей роздал им Сын Матери.

Снова вернулись звери в тайгу, заплескалась рыба в реках. И люди скоро совсем забыли о страшном Мекиги. Теперь они поют песни о хорошей жизни...

Ай-по замолчал, потом хитро прищурился.

— А нам с Эви,— подмигнул он бабушке,— новая тундра полный интернат внучат подарила. Все дороги возле него проходят — мимо не проедешь... Новой жизни вы учитесь, однако не забывайте старых сказок!

Замолчал Ай-по. Притихли ребята. Что-то ещё хотели сказать, о чём-то спросить... Но там, в морозной тишине улицы, тонко скрипнули нарты.

— Однако нам, Эви, пора...— встал Ай-по.— Авка вокруг нарт кружит, в дорогу просится! А вам спать без забот!

— Пусть сон даст вам здоровья,— стала прощаться с ребятами и Эви.— Дедушка послушает ветры, поговорит со звёздами и привезёт вам новую сказку.

МОЛЧУН
И БОЛТУН

Волнуются и взрослые, и ребята. Сегодня День оленевода. Полощутся на ветру флаги, шумно возятся мальчишки, поскрипывают нарты...

Но вот всё стихло. Победители прошлогодних соревнований выносят голову хозяина тайги — медведя.

Медвежью голову положили на стол перед судьями, украсили лентами. По бокам расставили кубки. Праздник начался.

Соревнования открывают самые юные борцы.

Ундре, подпрыгивая, сближается со своим противником, вот взял его за ремень. Малыши распыхтелись не на шутку. Ундре не хочет уступать, и противник тоже не сдаётся. Оп! — и Ундре уже на земле, осталось положить его на лопатки.

Краешком глаза внук видит опечаленное и внимательное лицо деда. А плечи вот-вот коснутся земли. Нет! И тут Ундре изловчился и впился зубами в руку противника. Визг смешался со свистом болельщиков. Судьям долго пришлось успокаивать их, пока не вмешался Ай-по. Он надел ленту на шею победителю, продолжавшему хлюпать в рукав, и строго посмотрел на внука.

— Когда люди для доброго дела собираются, злость в карман подальше положи!— погрозил он пальцем.— Вот будешь за волком охотиться, тогда злость в голове держи!

С этим все согласились. Притихли и сами борцы.

Потом все стреляли из луков. Бросали вдоль рядов кольца, и каждый пытался попасть в них копьём или хореем. Закидывали на рога аркан. Но через нарты прыгали только самые сильные и выносливые.

Наконец судьи объявили долгожданную гонку на оленьих упряжках. Победить в этих состязаниях — значит доказать, что твои олени сильней, что ты лучше всех ухаживаешь за ними. А какой же оленевод не любит своих оленей? И каждый в такие минуты волнуется — не упустил ли чего, в порядке ли упряжь?

Авка навострил уши и в нетерпении расширил ноздри.

Взмах красным флажком — и гортанный клич пастухов разорвал напряжённую тишину. Хореи взметнулись над оленьими рогами...

В вихре ничего нельзя было разобрать. Но вот на взрытые сугробы улеглась снежная пыль — и все увидели белого оленя, который всё больше удлинял шаг, ускорял рысцу. К нему подстраивались и остальные два в упряжке.

— Авка! Авка!— сами собой шептали губы, и Ундре тянул шею, как будто этим мог помочь.

Тонкие лёгкие ноги оленя чуть-чуть касались дороги, голова гордо откинута назад, и казалось, что Авка не бежит, а плывёт над сугробами. Красный флажок снова полоснул воздух — финиш!

Около нарт Ай-по собрался весь интернат. Все радовались и наперебой совали Авке лакомства. Но Авка не принимал угощений от благодарной публики, и глаза его стали печальными...

— Разве такой едой насытится олень,— добродушно смеётся Ай-по.— Ведь Главный Свет пробудился, гора Пайер к себе зовёт — надо каслать, пастись на просторах тундры. Вот и тоскует олень... Ему уже не до лакомств!

— А правда, что белый олень самый быстрый?— спрашивают ребята.

Ай-по усмехнулся и головой покачал.

— Быстрые ноги и у серого оленя. Но белый — редкость в стаде. У белого оленя своя тайна есть...

— Тайна? Какая же? — лукаво спрашивает Ундре, хотя уже слышал от дедушки не раз сказку про белого оленя.

Ребята тотчас сгрудились вокруг нарт. Жмурясь от тёплого солнца, в ожидании глядели на Ай-по. И он понял, что в праздник сказка особенно желанна.

Авка всё ещё шумно дышал после быстрого бега. И Ай-по чувствовал усталость. Он ведь уже не молодой, а обогнал всех... Но ребята так просительно смотрят. Однако, надо рассказывать. Ай-по набил свою любимую трубку, не спеша закурил. И все поняли — сказка будет!

...Давно это было. Жили в одном стойбище двое юношей. Один — Молчун был, а другой — Болтун. Молчуна редко кто слышал. Если он и разговаривал, так во сне. А Болтун за день мог целый мешок слов наговорить.

Молчун, сын охотника, все дороги запоминал ногами. А у Болтуна, сына шамана, всегда стояла упряжка оленей наготове.

Проснувшись позже всех, Болтун принимался кричать:

— Смотрите, люди, какой я ловкий. Я могу запры-

гнуть на самую верхушку сосны! Вот если бы только она была ещё немножко повыше, а я пониже!..

Слушали люди и про себя смеялись над бездельником.

Пришла юношам пора жениться. Старательно искали сваты невесту для Болтуна, все стойбища объехали — и не нашли. Не нашлось невесты и для Молчуна.

Один раз собралась мать Молчуна под вечер за водой. Только лунку во льду прорубила, зачерпнула воды в берестяные вёдра, и вдруг перед ней появился великан.

— Если хочет твой сын свою долю найти, пусть выстрелит из лука вон в тот кедр, что закрывает собой закат!

Сказал так великан и исчез. А женщина схватила вёдра — и бегом в чум.

— Ты чего, мать, испугалась? — спрашивает Молчун.

— Так, сынок, ничего,— боится она признаться.

— Но я вижу, у тебя плещется из вёдер вода. Если печаль принесла — двое будем знать. Большой радости испугалась — с людьми поделимся.

Нечего скрывать, рассказала мать про неизвестного охотника-великана.

— Видно, это и есть тропа к моему счастью!— обрадовался сын.

Взял он лыжи, лук и стрелы и пошёл к тому месту, где мать воду брала. Увидел юноша кедр, который закрывает собой закат, и пустил в него стрелу. Наполовину ушла стрела в дерево. И на снегу вдруг появились следы, большие следы большого охотника.

Идёт юноша, ноги тяжёлыми становятся, еле передвигает. Стал помогать руками — опираться на снег, и руки, как чужие, слушаться перестали. Вот-вот упадёт, а всё идёт, не останавливается. А тут и следы кон-

чились. Остановился охотник, поднял голову и видит: выше деревьев стоит огромный чум. Зашёл в него охотник, а там — спит великан, положив голову на колени жены. От храпа весь чум дрожит. Расчёсывает жена ему волосы. Бросит волос в костёр, а оттуда быстроногий олень выскакивает. Подивился юноша, постоял, потом поздоровался.

— Кого тебе надо? — спрашивает женщина.

— Я пришёл к Большому Охотнику по его следам,— ответил юноша.

Разбудила женщина мужа.

— Слуги, оденьте меня,— сказал великан.

Малица натянулась на тело, ремень подпоясал охотника, и аркан сам лёг на шею. Позвал великан юношу на улицу, хлопнул в ладоши, и около чума стадо оленей появилось.

— Видишь — есть белые олени, есть тёмные, есть совсем чёрные. Какого оленя поймаешь на ходу, такой и жизнь твоя будет,— сказал он и подал Молчуну свой аркан.

Тяжёлым оказался аркан, но удержал юноша его в одной руке. Хлопнул в ладоши Большой Охотник, и за белоснежным оленем взметнулось над тайгой всё стадо. Бежит за оленями Молчун, от бега малица пузырём надулась, пальцы ног касаются только верхушек сосен. Бросил он аркан, и петля обхватила шею белому оленю.

— Теперь,— говорит великан,— веди его домой. Как только уйдёт Главный Свет спать, приглашай гостей на свадьбу. Но перед тем как пир начать, скажи: «Эй, кто со мной хочет жизнь разделить?»

Пришёл юноша домой, сделал так, как говорил Большой Охотник. Пригласил всех живущих в стойбище — и молодых, и старых, богатых и бедных. Но какая свадьба без вкусной еды? Пришлось Молчуну за-

резать белого оленя. И перед тем как начать пир, спросил юноша:

— Эй, кто со мной хочет жизнь разделить?

И вдруг через отверстие чума, куда от костра дым идёт, опустилась девушка и присела рядом с юношей. Зашумели гости — никогда они не видели такой красоты. Долго бы на неё смотрели, да закрыла она по обычаю невесты лицо платком. И увидели люди на этом платке свою тайгу. Даже тропы узнавать стали, где за белкой охотились, где рыбу ловили. Из котла всем досталось по куску мяса с косточкой. Кто бросит кость в костёр, оттуда тот самый белый олень выскакивает. К концу свадьбы уже большое белое стадо паслось около чума. Едят люди, хвалят волшебство Большого Охотника. Повеселились, а как стали расходиться, тут юноша всем по белому оленю роздал. С тех пор в любом стаде хоть одного, да можно увидеть такого. Это хорошо — от доброго сердца белый олень дан...

— Вот и всё,— вздохнул Ай-по, а морщинки так и играли на его коричневом лице.— Может, и Авка оттуда мне достался,— потрепал он за уши оленя.

— А про Болтуна, дедушка,— завертелся от нетерпения Ундре,— ты же ничего не сказал.

— Однако мои слова не всегда уносит ветром,— рассмеялся от удовольствия Ай-по.— Тогда слушайте и продолжение.

...Прошёл слух по стойбищу, какую себе хорошую жену взял Молчун. Малицу сошьёт — никто такой не носил, кисы сошьёт — никто таких ярких вышивок не видел. Завидно сыну шамана, от злых слов слюна брызжет изо рта.

— Иди, старая ягушка, на речку,— кричит он на

мать.— Узнай, по какой дороге искать Большого Охотника.

Не успела мать отдышаться, прибежав с реки, Болтун трясёт её за плечи:

— Говори скорее, рыбий язык, какую дорогу он мне показал.

Не дождался, когда мать толком расскажет, схватил лук и побежал к проруби. Выстрелил в дерево, что закрывало собой закат, но стрела отскочила и сломалась. Появились большие следы на снегу. Бежит Болтун по следам, пот ручьём по спине катится.

— Святые духи,— шепчет он.— Помогите мне взять у Большого Охотника самого жирного оленя, помогите забрать у него самую красивую дочь. Пусть моя жена владеет всей рыбой в реках.

При этих словах следы великана превратились в горячие угли.

— Ай, ай!— закричал Болтун и в сторону прыгнуть не может, крепко они его держат.

Пустился он бежать, только ноги через голову летят. Несколько кругов сделал вокруг чума Большого Охотника, пока смог остановиться, и видит: лежит охотник, голову положил на колени жены. От храпа колья чума дрожат. Расчёсывает она ему волосы — бросит волос в костёр, а оттуда быстроногий олень выскакивает. «Э-э, да тут всё просто,— думает Болтун.— Если даже один волос изрезать на много кусков, то сколько оленей получится! Можно стать самым богатым».

От этой мысли Болтун забыл и поздороваться.

— Кого тебе надо?— спросила женщина.

— Я пришел к Большому Охотнику за самым жирным оленем и за самой красивой дочерью,— забегал язык во рту у Болтуна.— Я хочу, чтобы она не только тайгой владела, но и всей рыбой в реках.

Разбудила женщина мужа.

— Слуги, оденьте меня,— сказал Большой Охотник.

Малица натянулась на тело, ремень подпоясал охотника, и аркан сам лёг на шею. Позвал он Болтуна на улицу, хлопнул в ладоши, и около чума стадо оленей появилось. Увидел Болтун в стаде белого оленя, подпрыгнул от радости:

— Этого мне, этого!

— Языком дерево не срубишь,— говорит Большой Охотник.— Какого оленя поймаешь на бегу, так и жизнь твоя сложится.— И подал свой аркан. Кое-как удержал его Болтун двумя руками, однако ноги согнулись от тяжести. Хлопнул в ладоши Большой Охотник, и за белоснежным оленем взметнулось над тайгой всё стадо. Поплёлся следом и Болтун, да аркан его к земле тянет. Попробовал на дерево влезть, поближе к оленям, да сорвался и сел на гнилой пень. Бросил он аркан и побежал за стадом. Наконец еле поймал за заднюю ногу чёрного хромого оленя.

Идёт к Большому Охотнику, то сам падает — дрожащие ноги не держат, то олень спотыкается.

— Теперь,— говорит охотник,— веди его домой. Как только уйдёт Главный Свет спать, приглашай гостей на свадьбу. Но перед началом скажи: «Эй, кто со мной хочет жизнь разделить?»

Не успело солнце скрыться за кедр, а Болтун уже собрал свадьбу. Разрезал оленя на самые маленькие кусочки — между зубов пролазят.

— Что за свадьба,— обижаются люди,— голодными сидеть.

Бросают они кости в костёр, а оттуда мышата выбегают. Съели всё мясо, только тут вспомнил Болтун про наказ Большого охотника.

— Эй, кто со мной хочет жизнь разделить?

Вдруг через отверстие чума спустилась сверху женщина и присела рядом с Болтуном. Посмотрели люди на платок, а на нём одни болота с лягушками. Все гости испугались, отодвинулись в угол.

— Зато посмотрите, какая она у меня красивая,— пытается остановить народ Болтун и откинул у ней с лица платок.

— Хозяйка болот!— ахнули гости.

Морщины на лице, как рябь на воде, волосы сырым мохом поросли. Бросились все из чума, а за ними и сам Болтун.

— Постой,— с кашлем засмеялась старуха.— Я с тобой хочу жизнь разделить.

До сих пор, говорят, бегает она за Болтуном.

ЖАДНАЯ СТАРУХА

Наступила летняя путина — пора рыбу ловить. Посёлок опустел. Все на рыболовецких песках, даже собак не видно.

К двери домика Ай-по приставлено старое весло с обломанной лопастью. Отслужило оно свою службу, подпирает теперь дверь — и замок не нужен: зачем прятаться друг от друга за железные засовы? Люди теперь все дружно живут. Пусть стоит старое весло, вспоминает свою нелёгкую жизнь. На смену ему пришли моторы.

— Хорошая моторка! — цокает языком Ай-по и, крепко держа руль, подставляет потное лицо влажному ветру. А на шее у него, как вымпел, трепыхается красный платок.

— Дедушка, дай я немножко порулю,— просит Ундре.

— Нельзя,— категорически отказывает Ай-по.— Лодка только меня слушается. Всякая собака должна одного хозяина иметь.

На дне лодки подрыгивают хвостами большие муксуны. Недавно вынутые из воды, они пахнут огурцами.

А сзади, привязанная на верёвке, нет-нет да и высунется из-под волны лобастая голова осетра.

Днём солнце пылало белым пламенем, теперь красным углём стынет над шапками Урала. Повисит где-то над горами, а с первым курлыканьем куликов заискрится и тронется в путь, так и не успев добраться до своей постели. Такой уж полярный день. Темноты настоящей совсем не бывает. Из заката в восход ночь перепрыгивает.

А сами горы, кажется, наполовину погрузились в огромный сор-озеро — не видно берегов.

— Место это священное для людей,— говорит Ай-по.

— Как это, священное?— удивляется Ундре.

— Старые люди так говорят.

Ай-по ловко выпутывает рыбу из большой сети, а сам нараспев тихо рассказывает легенду, которую он слышал от своего деда, когда был таким же, как Ундре.

— Давно это было. Полилась вода через Уральские горы. Всё затопило. Бежали от чумов своих люди, и с ними звери. Столпились все на маленьком островке, где росли деревья. А вода — всё больше, островок — всё меньше... Решили люди построить плот. Кто захватил с собой топор, стал рубить деревья. Уже готовы были большие брёвна. Но не было ни верёвок, ни ремней — всё утонуло. Тогда мужчины отрезали свои косы — все мужчины раньше носили косы — и связали ими плот. Пожалело озеро людей и зверей, которые на плоту качались, и увело бурный поток. Вода ушла, а сор остался. С тех пор воды в этом озере — только по колено, любой пройдёт... Но если задует ветер с Урала — тогда держись, рыбак: не спасёт тебя никакая лодка!

Ай-по задумался, глядя на безмолвные горы.

— А дальше?— спросил Ундре.

— Люди помнят, как озеро спасло их, считают его священным. Какой старый человек зайдёт в него — железную деньгу бросит или что-нибудь другое оставит.

— Артисты приехали!— вдруг захлопал в ладоши Ундре.— Вон там, оглянись, дедушка! Смотри, какой нарядный корабль!..

— Сегодня большой праздник,— соглашается Айпо.— День рыбака.

Баржа-культбаза мягко покачивалась уже у самого берега. Она была украшена разноцветными флажками, на голубых бортах висели яркие плакаты.

Резиновые сапоги в рыбьей чешуе застучали по скрипучим трапам. Женщины окружили прилавок — зазвенели чашки с блюдцами, затрещал в руках продавца ситец. Мужчины принюхивали махорку, выбирали, которая для трубки лучше.

В это время артисты открыли занавес, и начался концерт. Зрители внимательно слушали артистов, тут же давали оценку, делали замечания, разговаривали вслух, смеялись и ахали.

Потом все с интересом рассматривали сатирическую газету, где было много смешных рисунков — карикатурами называются.

— Смотри-ка, и вправду на тебя походит! Я бы и без подписи узнал,— со смехом замечает один.

— А вот и сам ты!

— Ой! Ой!— покатываются со смеху любопытные.

А кое-кто поскорее в сторонку ушёл — обиделся. Так здорово его разрисовали. Хоть и всё — чистая правда. Плохо он поступил: прогулял, бригаду подвёл, рыбы мало сдал. А всё равно — обидно! Однако исправляться придётся, чтобы больше не рисовали!

Тут вышли опять артисты и запели частушки:

На рыбалке у реки
Петьку Тохтан не найти.
Сеть его на дне лежит,
Петька Тохтан сладко спит!

Потом про бригадира хорошие слова спели. Хороший бригадир, никогда в беде не оставит! Старую сеть заменит, сам мотор исправит.

— Правильно поют,— соглашались рыбаки и удивлялись, откуда артисты про все их дела знают? Ведь они живут не здесь, а в большом посёлке, где рыбу в магазине продают...

Вот стал говорить директор — самый главный начальник по рыбе. Маленький он, как ёрш, а голова быстро думает. Много людей работает у директора, однако знает, кому какой подарок лучше подойдёт. Женщинам подарил чугунный котёл, такой в магазине сейчас не найдёшь, бригадиру — часы.

— Напрасный подарок,— неожиданно отказался бригадир,— нельзя мне давать.

— Что с тобой?— удивился директор.— Твоя бригада вон сколько хорошей рыбы стране дала!

— Руками, может, хорошо работал, а головой мало,— упрямился бригадир.— Про Петьку Тохтана пели... Хороший рыбак Петька. Я виноват, оставил в посёлке. Раз бригадир, надо всех людей около себя держать. Много рыбы ловить, про людей не помнить, так можно жадным стать. Пожадничал, Петьку забыл я...

— Ой, напрасно путаешь работу и жадность!— вмешался в разговор Ай-по.— Работа человека богатым делает, жадность — пустым.

— Правильно говоришь, Ай-по!— поддержал директор.

И все согласно закивали и навострили уши: что ещё скажет Ай-по. Он зря слов не тратит.

И понял старый оленевод, что ждут от него взрослые тоже сказку. Они не меньше детей любят сказки.

Рябью пробежал прохладный ветерок и осушил потные лица рыбаков. Прыгают на волнах красноватые блики солнца и сверкают, как рыбья чешуя. Ай-по задумался. Разговор серьёзный — по-разному можно рассказать.

— Гагара кричит перед плохой погодой,— тихо сказал Ай-по,— и все к этому привыкли. Когда человек поступает плохо, к этому не должны привыкать. Петьке помочь надо, правильно бригадир делает, что вину свою признаёт. А вот работу с жадностью никак путать нельзя! Бригадир хорошо трудиться умеет. А всякий труд с умом дружит. Жадность — с глупостью рядом живёт!

Старые люди эту сказку помнят.

...Жила одна Старуха и всё делала наоборот. Когда на свадьбу приглашают, все подарки с собой несут. А старуха со свадьбы всякой еды себе натащила, в лодку положила и от радости даже забыла, в которую сторону к чуму своему ехать...

Мимо как раз пролетала Сорока.

— Ты что, Старуха, глаза закрыла и губами шлёпаешь?— заверещала она.

— Дорогу вспоминаю к своему чуму,— отвечает Старуха.— На свадьбу ехала — голодна была, да дорогу видела. Со свадьбы сыта еду, видно, от еды глаза устали. Запах куропатки чую, но её не вижу, запах реки чую, да воды не вижу.

— Давай я тебе помогу,— предложила простодушная Сорока.

Задумалась Старуха, почесалась.

— А что ты с меня возьмёшь?— спрашивает наконец она.

— Да если дашь мне корочку хлеба, мне, Сороке, и хватит.

Зашамкала Старуха, прикидывать стала: «Корочка, конечно, не много. Но ведь от корочки можно отломить ещё корочку. Хе-хе, а от той корочки ещё...» Но тут из лесу вышла Лиса.

— Ты куда, старая, направилась?— промяукала она и потянула длинным носом к лодке.

— К себе в чум,— снова стала объяснять Старуха.

— А зачем сорока на мачте сидит?— спрашивает Лиса.

— Дорогу показывать будет,— буркнула Старуха, любуясь пышной шубкой лисы. «Можно было и тебя взять с собой,— думает она.— Зима близка, а шапка у меня поизносилась».— Вот договариваемся, не дорого ли просит она за корочку отвезти меня домой.

Лиса подошла ближе, увидела в носу лодки узелки с едой, облизнулась, даже живот к позвоночнику прилип, до того голодная.

— Бабушка,— говорит она.— Посмотри на хвост Сороки, там всего несколько перьев. А теперь на мой — видишь, какой он длинный, пушистый и дорогой. Неужели бы я отказалась старому человеку дорогу своим хвостом показывать? Он у меня яркий, приметный, небось далеко виден! Видишь ли ты мой хвост, Старуха?

— Вижу, вижу!— обрадовалась та, стараясь рукой пощупать пушистый хвост.— Ничего мои глаза уже не видят, только твой хвост!

Лиса ловко увернулась.

— Ну так как, возьмёшь меня в провожатые?

— А много ли платить тебе надо?

— Тебя я даром отвезу,— стыдливо опустила глаза Лиса.

— Убирайся, Сорока!— закричала обрадованная Старуха.— Мне Лиса дорогу показывать будет!

А сама и думает: «Молодец, Лиса! Своим рыжим хвостом мне дорогу указывать будет. А у Сороки такой жидкий хвост — как я по нему дорогу увижу?»

Улетела обиженная Сорока, а Лиса прыг на нос лодки, где еда, и хвост — к реке. Как огонь, над водой горит хвост. Смотрит на него старуха и правит кормовым веслом.

Развязала Лиса первый узелок. Тут Старуха спрашивает:

— Какое место проезжаем, моя пушистая?

— Озеро Вкусный Калач,— отвечает Лиса, подбирая языком крошки.

— Я что-то не помню такого озера! Сядь-ка ты, Лиса, ко мне поближе, совсем глаза у меня устали...

А сама подумала: «Уж только бы схватить, ни за что бы не выпустила из рук такую тёплую шкурку».

Но Лиса ещё хитрей была. И отвечает Старухе:

— Нет, бабушка, не могу, дорогу потеряем! Вот приедем к чуму твоему — наиграешься хвостом!

— А далеко ли до чума?— нетерпеливо спрашивает Старуха.

— Пока ещё далеко!— Чуть не подавилась Лиса, а сама развязала второй узелок.

«Пока можно и в старой шапке походить,— поджав губы, думает Старуха.— А из этой шкурки неплохие получатся чижи-носки, ноги к старости зябнут...»

— Что-то ты молчишь, моя тёплая!— обратилась она опять к Лисе.— А какое место мы сейчас проезжаем?

— Мыс Олений Язык,— торопливо отвечает Лиса, целиком глотая сочные отварные языки...

— Не знаю я такого мыса!— пробормотала Старуха.— Лиса, сядь-ка поближе, руки хочу погреть в твоей шубке, совсем замёрзли!..

— Нет, бабушка, не могу: дорогу потеряем! Вот приедем, можешь даже огня в чуме не разводить, грейся в моей шубе сколько хочешь!

— А далеко ли до чума?— вздыхает Старуха.

— Теперь уже близко,— поперхнулась Лиса на последнем куске.— Посиди уж молча, дорогу мешаешь показывать!

«Чижи получатся тёплые,— думает Старуха,— да больно шкурка красивая, обшить бы ею ягушку!»

А Лиса в это время за последний узелок принялась.

Старуха слышит тихую возню, а разглядеть не может, что там Лиса делает.

— Рыжая моя с белой грудкой, какое место проезжаем?— ёрзает от нетерпения Старуха.

— Сахарный остров,— облизнулась Лиса.

— В моей памяти такого острова не было!— удивилась Старуха.

— К старости память ослабела!— ехидно заметила Лиса.

— А далеко ли до чума-то?

Увидела Лиса глинистый берег и говорит весело:

— Приехали! Поворачивай, бабушка, к берегу. Да скорее же!

Засуетилась Старуха, быстро веслом стала крутить...

Только лодка коснулась берега, Лиса прыг — и в кусты.

Посмотрела Старуха, а вместо узелков — одни пустые платки! Кинулась она Лису догонять — да куда там! Только в глине завязла. Заголосила, руками зама-

хала Старуха, дыханье перехватило от злости и обиды...

Мимо Сорока пролетала, увидела Старуху, всё поняла и сказала:

— Ты для меня корочки пожалела, а сама всё потеряла. И дом твой на другом берегу! Спроси-ка у людей, можно ли Лисе верить? Вот до какой глупости жадность доводит!

Махнула Сорока хвостом и улетела.

Только на другой день добралась Старуха до своего чума. Спасибо, добрые люди помогли, а то бы совсем в глине увязла!

ЛЕТУЧИЙ ЗВЕРЬ-НАЛИМ

Хыр-лык, хыр-лык,— гребёт неторопливо Ай-по. Вёсла задорно пощёлкивают в уключинах, от них убегают следы с завитушками, расплываются на ровной воде. Колданка — шустрая лодочка — виляет заострённой кормой. Ундре лежит на малице, голова покачивается в такт вёслам. Закроет глаза, и кажется ему, что едут они не вперёд, а назад. Стоит открыть — всё правильно, и солнце вместе с дальними кустами ползёт за ними.

— Дедушка,— спрашивает Ундре,— ты знаешь, отчего оно кружит?

— Почему не знать,— отвечает Ай-по.

— Расскажи тогда мне.

— Хочешь знать, уши навостри,— останавливает вёсла Ай-по. Он помолчал, пытливо глянул на внука — очень ли хочет слушать — и заговорил.

— Получилось так, что не стало однажды у людей солнца, на котором варили они себе еду. Далеко в тайгу запрятал его Хонан, Дух Тьмы, чтобы одному ему светило солнце, грело его толстый живот.

— Это на солнце-то варили?!— рассмеялся Ундре.— Ты, дедушка, говоришь не так, как бывает.

— Может, Ундре пришла пора меня учить? — обиделся Ай-по. — Однако нетерпеливый песец первым в капкане оказывается.

— Я больше не буду так, — виновато оправдывается Ундре. — Я думал, что это не сказка, а правда.

— Правильно думал. — Снова берётся за вёсла Ай-по. — Чего не знает дедушка, никогда того он не говорит.

Колданка снова завиляла, как плывущая утка.

— Народ так рассказывает, — продолжает Ай-по, — люди стали вымирать от холода.

Однако нашёлся один человек, который победил Хонана. Но от жаркого солнца сгорела на храбреце одежда, и сам он погиб.

Ходит Главный Свет вокруг тундры, спать не ложится — ищет своего спасителя. Люди говорят: пришло лето. Когда устанет, спать уходит — люди говорят: наступила зима...

— Оп-оп, — ухватился Ай-по за палку, торчащую из воды. — Кол не сломается — сетка удержится, сетка удержится — рыба поймается, — запричитал он.

Ундре превратился в слух. Как все дети тундры, он по плеску мог определить, какая попадётся рыбина. Сделает дедушка из прутьев обручи: большой, средний и самый маленький. Обтянет их мерёжей — получится ловушка — фитиль. Поставит этот фитиль в реку у самого берега, а вечером налим попадётся.

— Ундре, — спрашивает Ай-по. — Слушай: под водой сто глаз ждут старика усатого.

— Это сетка и налим, — отвечает Ундре.

Ох и любит же налим, прежде чем в сеть попасть, чтобы про него всякие загадки загадывали. Ундре думает: «Скорее бы поймать!»

— Ундре, — заговорщически обращается снова Ай-по. — За ус не ухватишь и за хвост не удержишь. А?

— Налим,— торжественно говорит внук, зажмуривая глаза.

Стрекочет вдали сенокосилка, наголо обстригая обские острова. Пахучее сено громоздится в стога. Вокруг, как выводки, разбросаны копны. А дальше устало и сытно колышется зелёное море травы. Напилось росой, надышалось солнцем, освежилось ветрами.

— Под водой за камнем лежит живая колотушка,— не унимается Ай-по, а сам поднимает в лодку фитиль.

— Налим!— открывая глаза, громче прежнего кричит Ундре. Вдруг что-то тяжёлое шлёпнулось на дно лодки, зачавкало, заползало.

— Налим! Налим!— ликует внук.

От кустов ползёт седая холодная дымка тумана. На скошенных лугах важно расселись длинноногие птицы — кроншнепы. Растопырились тени... Дымится в котелке налимья уха, сверху плавают аппетитные кусочки максы — печени. Ундре подаёт дедушке в деревянной чашке налимью голову.

— Кому налимья голова,— говорит он,— от того семь сказок!

— Не забыл слова своего дедушки, обычаи помнишь. Это хорошо,— принимает чашку Ай-по.— Сегодня ты услышишь рассказ про самого Налима. Чтобы сказка началась, пусть уха вкусной будет!

Весело потрескивает сухой хворост тальника. Налетевшая было на костёр сова бесшумно метнулась в тень. Тяжко поскрипывают деревья. Раздаётся плеск по воде — рыба.

...В стародавние времена в Долине Семи Холмов жил Человек. Он молча сидел на самом большом Седьмом Холме. Человек не мёрз и не потел, потому что через его дырявую малицу одинаково проходили на-

сквозь и холод, и тепло. Он сидел молча, потому что был один. Он печально смотрел вокруг. Там, где ещё недавно рос кудрявый ягель, теперь были плешины, где была тайга — зубьями торчали пни. Живое не бегало, не летало, не кричало. Большое зло в тундру принёс страшный летучий Зверь-Налим. Огромной птицей летал он по небу, мамонтом ходил по земле, кораблём плавал по морю.

И не знал Зверь-Налим сытости. На обед уходило семь оленьих стад. Если пил, то сухими оставлял семь озёр.

Увидел всё это Главный Свет, собрал своих братьев и сестёр, позвал Человека с Седьмого Холма. Когда все собрались, Главный Свет велел привести к нему летучего Зверя-Налима.

И у Зверя-Налима задрожала от страха косматая шкура, но не мог не послушаться — пришёл. И тогда сказал Главный Свет:

— Когда я выхожу посмотреть, как живут в тайге, всё живое начинает двигаться. Деревья тянут ко мне свои ветви с дрожащими от холодной сырости листьями, травы становятся выше ростом, цветы купаются в моём тепле, птицы песни складывают. Посмотрит на меня Человек, не выдержит — улыбнётся. Разве мог я породить летучего Зверя-Налима?

Нахмурился Главный Свет, красные щёки его потемнели, как чугунный котёл. Неуютно стало, пасмурно.

— Нет, Главный Свет,— ответили все.— От тебя худо нам никогда не бывало, не было плохо и Человеку. Так, Человек?

— Верно говорите,— ответил Человек и кивнул головой.

Встал Месяц, серебряным поясом зазвенел, руку на кривой нож положил.

— Не дано мне людям тепло дарить,— заговорил он,— но мой свет помогает Человеку в дороге. Зайцы выбегают на поляны и до утра водят весёлые хороводы. Девушки заглядываются на меня ночами. Мог ли я породить страшного Зверя-Налима?

— Нет, братец Месяц,— отвечал Человек.— Ты и правда иной раз глазеешь всю ночь попусту, не спится тебе что-то, но бываешь и полезным. Не даёшь кровожадному к стаду подкрасться, заблудившемуся дорогу покажешь.

Осторожно кашлянула Зима — у Человека ресницы инеем покрылись. Под песцовую шапку седые волосы спрятала.

— Когда я в гости прихожу к Человеку, вьюги прочёсывают свои космы ветвями деревьев, от морозов тайга лопается. Однако у хорошей хозяйки дрова припасены, в чуме тепло. У ленивой хозяйки зима виновата — для них я страшна. А ребятишкам дарю я румянец, и жарко им становится, бегают по сугробам с брусничными щеками. Да и тундра каждый год одевает мою сшитую из белых снегов малицу. В ней прячутся от холодов глухари и куропатки, из-под неё достают олени ягель. Могла ли я породить страшного Зверя-Налима?

— Нет, сестра Зима,— отвечал Человек.— Хоть и правда люди от холодов шею внутрь утягивают, плечи выше головы держат, но твоему приходу мы рады.

— Молодой и голубой я,— звонко сказал Ветер.— Бывает, я дую не с той стороны, откуда меня ждут. Но кто отгонит от стада и от людей комаров летом? Все поворачиваются ко мне и просят, чтобы я подольше от них не улетал. Олени по моему тёплому дыханию узнают весну. Мог ли я породить летучего Зверя-Налима?

— Да, мой братец,— покачал головой Человек.— Ты не всегда бежишь ровной рысью, диким лосем трубишь, сметаешь с дороги всё, что попадёт. Но и ты бываешь полезным, бываешь ласковым.

С мокрым лицом поднялся Дождь — у всех отсырела одежда. Но вот он надел на голову радугу — и свежестью пахнуло, и теплом.

— Не нравлюсь я оленеводам в тундре, рыбакам в море. Но наполню я озёра свежей водой, «спасибо» — мне кивают рыбы. Не были бы так сладки и вкусны ягоды без моей влаги. Не росли бы грибы. Мог ли я породить летучего Зверя-Налима?

— Правду говоришь, братец Дождь,— отвечал Человек.— Бывает, стучишь ты по голове, будто это не голова с умом, а рыбий пузырь. От осеннего холода я и так дрожу, а ты ещё одежду мочишь — зуб на зуб не попадает. Но чаще ты добрые дела творишь. От дождя земля наливается соком, и все сыты.

Обратился тогда Главный Свет к Ночи:

— Что ты, слепая, скажешь?

В чёрный платок закуталась Ночь, глаза опустила. Долго молчала.

— В моём тёмном царстве,— заскрипела она,— не трясутся от страха перед охотником волки. В тёмной ночи путает дороги Человек. В моей темноте может укрыться злое, погибнуть доброе. Я породила летучего Зверя-Налима.

— Да, безглазая сестра,— вздохнул Главный Свет,— большое зло от тебя пошло! Как вину искупать будешь?

Ночь молчала. Не было у неё светлых мыслей. И тогда Главный Свет так решил:

— Пусть же теперь ночью не ты спишь, как было раньше, а всё живое на земле. А ты будешь охранять

сон и не породишь больше зла. Я, Главный Свет, так порешил!

— От летучего Зверя-Налима самые большие беды терпел Человек,— ещё сказал Главный Свет.— У него нет чума и костра, он давно не ел горячей пищи, ему и решать, какую казнь придумать летучему Зверю-Налиму.

Закивали все головами, и тогда сказал Человек:

— Для злого дела много ума не надо, для доброго нужно труд приложить и хорошо думать. Каждый живущий на земле по-своему приносит пользу. Пусть же из страшного Зверя-Налима будет полезная Рыба-Налим.

И тут же Главный Свет опалил волосатое тело Зверю-Налиму. Месяц своим острым ножом отрубил ему крылья. Ветер вырвал из хвоста семь перьев и бросил их на землю. Полил Дождь, обмыл Налима до блеска, поднял его на волнах потока и унёс в реку. Пришла Зима с морозами — закрыла реку ледяной крышей.

На самом дне в темноте ползает Рыба-Налим, своим трудом пищу добывает, жиром наполняет свою максу-печень, чтобы людям вкусно есть было. В это время не спит Ночь, следит за Налимом, чтобы он работал.

...На небе высыпали звёзды. Они кажутся крупными и необыкновенно яркими. А может, Ундре просто соскучился по ним, ведь летом их не увидишь. Он лежит на свежем сене, и глаза его начинают помигивать, как те же звёзды,— скоро уснёт.

— Поэтому у него и нет чешуи, что он был зверем?— сонно спрашивает Ундре.

И голос Ай-по звучит совсем тихо:

— Правильно ты догадался,— говорит он.— И по-

том обычай пришёл — Налима на уху разделывает мужчина. С приходом тёмных ночей и первых холодов ловится Налим. И от предков пришёл обычай — кому налимья голова, от того семь сказок за вечер. Ночь за дверями послушает, по одной сказке братьям и сёстрам передаст. Вот Ундре услышал и седьмую.

Ай-по достал из костра уголёк и снова разжёг потухшую трубку. Ундре уже спал, и дедушка разговаривал с самим собой, чуть-чуть поддерживая огонь. Он долго смотрел на небо. Вдруг он увидел светящуюся точку, которая описывала круг высоко над его головой, она не рассыпалась и не гасла, шла и шла по небу.

— Спут-ник,— уважительно проговорил Ай-по.— На падающую звезду говорили, будто это варежка великана. А теперь что сказать можно, когда ум человека в железном ящике летает?

Ай-по думал так долго, что трубка опять погасла.

— Видно, жизнь вперёд сказки ушла...

Содержание

Афанасьев Ю. Н.

А 94 Сказки дедушки Ай-по. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1974.

88 с. с ил.

В сказках умело, в увлекательной форме использованы легенды народов Севера — о добре и зле, о счастье и справедливости, показана жизнь советского Севера.

А $\frac{0763-060}{\text{М158 (03)}-74}$ Р2

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ АФАНАСЬЕВ

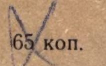
СКАЗКИ ДЕДУШКИ АЙ-ПО

Редактор С. В. Марченко
Художественный редактор
Г. И. Кетов
Технический редактор
Л. М. Голобокова
Корректор Л. А. Гупало

Сдано в набор 18/IV 1974 г. Подписано в печать 30/IX 1974 г. Бумага офсетная № 1 (120 гр.). Формат 70×90/16. Уч.-изд. л. 3,8. Усл. печ. л. 6,4. Тираж 50000. Заказ 321. Цена без переплета — 30 коп., в пер. № 4 — 65 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1974

Ю. АФАНАСЬЕВ СКАЗКИ ДЕДУШКИ АЙ-ПЮ